

Искрящийся идеями... глубокий, захватывающий,
запоминающийся роман.

Kirkus Reviews

Роберт Чарльз Уилсон
**ЗВЕЗДНАЯ
ЖАТВА**

Впервые на русском!

Звёзды новой фантастики

Роберт Уилсон

Звездная жатва

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Уилсон Р. Ч.

Звездная жатва / Р. Ч. Уилсон — «Азбука-Аттикус»,
1993 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-22095-9

Когда на Землю прибывают представители сверхмогущественной инопланетной цивилизации и предлагают населению планеты преобразиться и стать единым целым, откинув материальную оболочку, – как на это ответить? Среди огромного населения планеты на десять тысяч ответивших «да» приходится лишь один, кто ответил «нет». Среди ответивших «нет» – врач Мэтт Уилер из небольшого города Бьюкенен на Тихоокеанском побережье США. Ведь все его прежние представления о добре и зле, жизни и смерти, Боге и человеке поставлены под сомнение. Он оказывается в положении, когда приходится выбирать, на чьей ты стороне в апокалиптическом противостоянии, способном изменить облик самой Вселенной... Впервые на русском! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-22095-9

© Уилсон Р. Ч., 1993
© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Новая луна	9
Глава 1. Август	9
Глава 2. Бруксайд	17
Глава 3. Машины	28
Глава 4. Заголовки	33
Глава 5. Вашингтон	34
Глава 6. Болезнь	38
Глава 7. Тишина	47
Часть вторая. Один из десяти тысяч	50
Глава 8. Проснувшийся Бьюкенен	50
Глава 9. Много обитателей[12]	54
Глава 10. Этикет	58
Глава 11. Киндл	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Роберт Чарльз Уилсон

Звездная жатва

*Посвящается Девону... ничего лучше я сейчас сделать не могу.
И с опозданием – моим родителям*

Robert Charles Wilson
THE HARVEST
Copyright © 1993 by Robert Charles Wilson
All rights reserved

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Пролог

– Сегодня, – начал свою речь президент Соединенных Штатов, – глядя в небеса, мы теряемся в догадках и задаемся множеством вопросов.

«Мягко говоря», – подумал Мэтт Уилер.

Он взгляделся в серьезное лицо президента, окруженное голубоватой аурой телеэкрана. Как обычно бывает с президентами, после избрания он заметно постарел. За последние две недели, как показалось Мэтту, – особенно.

Мэтт прибавил громкость и открыл двери патио.

В гостиную хлынул холодный воздух. Включился термостат, теплый пол начал нагреваться. Президент брал продолжительные паузы, во время которых отчетливо слышался монотонный гул горячего металла.

Снаружи было холодно, однако ночное небо прояснилось впервые за этот дождливый март. Мэтту наконец удалось лицезреть явление, почти неделю повергавшее в ужас весь мир. Конечно, он видел его на фотографиях и на своем девятнадцатидюймовом «Сони». Но одно дело – видеть это по телевизору, и совсем другое – на собственном дворе. В Орегоне, в небе над Бьюкененом – безлунном, темном, с яркими россыпями звезд.

Он взглянул на часы. Пять минут одиннадцатого. На востоке, в столице, был уже второй час ночи. Президент выступил несколько часов назад. Во время прямого эфира дочь Мэтта Рэйчел была на репетиции оркестра... разучивала марши Сузы¹, пока президент объявлял о событии, которое могло предвещать конец света. Мэтт записал речь от начала до конца. Все каналы повторяли отрывки в начале каждого часа, но Мэтт решил, что дочь должна посмотреть обращение целиком. Особенно в этот день. Пока небо ясное.

Мэтт поспешил вернуться в дом, в свое теплое укрытие.

– Рэйчел? Милая, пора выходить!

После ужина Рэйчел заперлась в своей комнате, перебирая фотокарточки в семейном альбоме. Всякий раз, приходя в плохое настроение, Рэйчел раскладывала старые снимки на покрывале, разглядывала их и складывала обратно в альбом из искусственной кожи, в известной только ей последовательности. Мэтт никогда не мешал, хотя и беспокоился, когда дочь вот так скрывалась в прошлом, раскладывая перед собой семейную историю, как карту, в поисках поворота, на котором она сбилась с курса.

Но этот ритуал успокаивал ее, и Мэтт не хотел лишать дочь ни минуты, проведенной в покое. Когда умерла Селеста, Рэйчел было семь, и Мэтт рассчитывал, что воспоминания о матери, пусть и грустные, помогут ей продержаться в эти трудные дни. Надеялся.

Она вышла из комнаты, одетая ко сну – ночнушка и розовый фланелевый халат. Удобная одежда. Рэйчел уже исполнилось шестнадцать, и Мэтт порой удивлялся тому, как быстро она выросла. Все родители чувствуют то же самое, но Мэтту казалось, что дочь повзрослела в мгновение ока. Впрочем, в этот день было иначе. В этот день, облаченная в старенький халат, она выглядела на двенадцать. Ее глаза были затуманены, во взгляде, похоже, читалась легкая обида. Быть может, она снова ощущала себя двенадцатилетней и как бы говорила: «Не заставляй меня смотреть на это. Я еще маленькая».

Они вместе вышли на улицу.

– Впервые в истории человечества, – говорил президент, – нам светит новая луна.

– Какое огромное небо, – заметила Рэйчел.

¹ Джон Филип Суза — американский композитор и дирижер, автор множества маршей для духового оркестра, самый известный из которых, «The Stars and Stripes Forever», стал национальным маршем США. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

«Больше, чем казалось прежде, – мысленно согласился Мэтт. – И враждебнее». Но про-
изнести это вслух он не мог.

– Красивая ночь.

– Холодно, – поежилась дочь.

Дом стоял на вершине холма. Мэтту всегда нравился вид, открывавшийся со склона. Он указал на восток, где над десятком темных крыш возвышался поросший пихтами хребет. Макушки деревьев будто цеплялись за звезды.

– Вон там должно быть видно.

– Многие из нас напуганы последними событиями, – вещал президент. – Мне доклады-
вают о беспорядках и мародерстве. Возможно, это естественная реакция, но она не делает чести
нашему обществу. Наш народ всегда был сильным и здравомыслящим. Мы стойко пережили
Перл-Харбор и Булл-Ран², и отчаиваться сейчас нелепо, не по-американски...

«Однако в Перл-Харборе уничтожили изрядную часть Тихоокеанского флота, а при Булл-
Ран армия Севера в панике бежала», – подумал Мэтт.

В любом случае сейчас никакой войны не было. Было нечто иное, доселе неведомое.

Рэйчел крепко прижалась к нему.

– Страшно? – спросил он.

Она кивнула.

– Ничего. Всем немного страшно.

Она вцепилась в его руку, и Мэтт почувствовал прилив злости.

«Черт тебя побери, – мысленно обратился он к пустому небу. – Не смей, черт побери,
пугать мою дочь».

Под весенними звездами голос президента звучал громко и непривычно.

– Наши ученые доказали, что с момента зарождения жизни на этой планете мы прошли
долгий эволюционный путь. Наши гости, кем бы они ни были, наверняка тоже его прошли.
Вероятно, мы выглядим для них настолько же необычно, как они – для нас. А может, и нет.
Возможно, они считают нас сородичами. Дальними родственниками. Быть может, очень даль-
ними, но не чужими. Надеюсь, что это так.

«Откуда тебе знать?» – подумал Мэтт.

Предположение было благонамеренным, оптимистичным, но на самом деле никто ничего
не знал.

Неподалеку открылась и захлопнулась раздвижная дверь. На улицу вышла соседка, Нэнси
Костроув. Под желтым фонарем, светившим во дворе Костроуов, ее кожа выглядела бледной
и нездоровой. Она налила молока для Пушинки, их толстой пятнистой кошки, которой нигде
не было видно.

– Привет, – грустно сказала Рэйчел.

Миссис Костроув кивнула в ответ, остановилась и подняла голову.

– Когда я был маленьким, – продолжил президент, – мы с родителями провели одно лето
в Адирондаке. Там, у реки, у нас была хижина. Широкая, неторопливая река – жаль, назва-
ние забыл. Тогда мне было десять лет. Казалось, что мы там одни, оторваны от цивилизации,
насколько возможно. Но река удивила меня. Нет, там не было людских толп... но вдоль берега
то и дело проходили путешественники, а по стремнине проносились одинокие гребцы в каноэ.
Поначалу я стеснялся незнакомцев, но потом научился улыбаться и махать, а они всегда улыба-
лись и махали в ответ. Иногда они задерживались у нас, чтобы перекусить или выпить чашечку
кофе. Мы никому не отказывали. – Президент взял паузу, и на миг в воздухе было слышно
лишь кваканье лягушек из холодных болот в низине. – Я считаю, что наша Земля подобна

² Сражения при реке *Булл-Ран* (21 июля 1861 г. и 28–30 августа 1862 г.) – два крупных сухопутных сражения времен
Гражданской войны в США. Оба закончились победами армии Конфедерации и разгромом федеральных войск.

той хижине. Мы много лет жили одни, но выяснилось, что мимо нашего жилья бежит река и по этой реке кто-то путешествует. Мы тут же стремимся отстраниться, ведь за долгие годы одиночества мы стали немного застенчивыми. Но в то же время мы чувствуем желание улыбнуться, поприветствовать незнакомцев, поверить в их добрые намерения. В этом наша сила. Это желание позволит нам преодолеть этот переломный момент, и я призываю вас взрастить его в ваших сердцах. Верю, когда-нибудь историки напишут о нашем времени и скажут, что мы были щедрыми и открытыми и что конец света, которого так опасались, стал началом новой дружбы. Я призываю всех вас...

Слова президента заглушил изумленный возглас Рэйчел. Нэнси Косгроув выронила бутылку молока, и та вдребезги разлетелась о каменную плитку. Мэтт уставился на небо.

На западе, над горизонтом, сразу за пихтами начал подниматься округлый силуэт белого, как кость, корабля пришельцев.

Больше всего на свете Мэтт Уилер любил свою дочь, свою работу и орегонский городок Бьюкенен, где он жил.

Глядя на голую необъятную махину, воспарившую над деревьями, заслонившую собой Орион и направившуюся в сторону Близнецов, он вдруг пришел к выводу: все это в опасности.

Пришедшая мысль была порождением животного страха перед неведомой штуковиной в небе, и Мэтт всячески гнал ее прочь.

Но она возвращалась. Все, что он любил, было хрупким. Все, что он любил, могло погибнуть из-за этой новой безымянной луны.

Эта мысль была навязчивой. Эта мысль была верной.

Прошел год.

Часть первая. Новая луна

Глава 1. Август

Колонка «Взгляд из Вашингтона», одновременно опубликованная в нескольких изданиях. Выпуск от 10 августа (вырезка из альбома мисс Мириам Флетт, Бьюкенен, Орегон):

Несмотря на приближающиеся выборы, конгресс и президентская администрация по-прежнему заняты обсуждением чрезвычайного происшествия, которое отдельные лица называют «Контактом».

Мы называем это «Контактом», но, как заметил на прошлой неделе сенатор Рассел Уэлланд (Р., Айова), происшествие примечательно тем, что никакого контакта до сих пор не случилось. Космический корабль, если речь идет действительно о нем, кружит над Землей уже больше года, не посылая никаких сигналов. Он подал признаки жизни лишь один раз, сбросив на наши крупные города сооружения, которые смело можно назвать памятниками нашим бесполезным средствам ПВО. Зачем они нужны – загадка. На нашу планету будто вторглись инопланетные мимы, чокнутые, но могущественные.

По крайней мере, к этой мысли подталкивают общепринятые представления. В Городе Сплетен никому нельзя верить на слово. Недавние международные встречи на высоком уровне, включая несколько оставшихся без внимания прессы поездок госсекретаря, породили подозрения, что до реального «контакта» недалеко. Согласно неофициальным источникам в Белом доме, уже больше недели страна обменивается секретной информацией с Германией, Россией, Китаем и другими странами. Совпадение?

Кто знает? Очевидно, что-то происходит. И лидеры обеих партий в конгрессе требуют, чтобы их посвятили в курс дела.

После того как гигантская инопланетная машина припарковалась на околоземной орбите, прошел год с хвостиком. Мэтт Уилер целый вечер раздумывал, как пригласить Энни Гейтс на вечеринку, которую он устраивал в пятницу.

Вопрос был не в том, приглашать или нет, – разумеется, он собирался ее позвать, – а в том, как это сделать. Точнее, что это приглашение будет означать для их дальнейших отношений и будет ли?

С этими мыслями он вымыл руки и приготовился принять двух оставшихся пациентов.

В небольшом городке вроде Бьюкенена врач нередко лечит людей, с которыми устраивает пикники на заднем дворе. Его последними пациентами были Бет Портер, дочь Билли, который тоже иногда наблюдался у него, и Лиллиан Бикс, жена его друга Джима.

Женщины, Бет и Лиллиан, сидели по краям дивана в приемной, напоминая плохо подобранные половинки книжной обложки. Лиллиан листала «Ридерз дайджест» и то и дело шмыгала носом в платок. Бет тупо смотрела в стену, погруженная в музыку, если можно было назвать таковой ритмичный лязг – точно кто-то барабанил по жестяной форме для пирога, – раздававшийся в наушниках плеера. Еще пара лет, и Мэтту придется лечить ее от тугоухости.

Девушка была первой в очереди.

– Бет, – позвал ее Мэтт.

Та продолжала витать в облаках.

– Бет. Бет!

Девушка неприязненно скривилась, будто ее только что грубо разбудили. Узнав Мэтта, она смягчилась, выключила кассетный плеер и сняла наушники.

– Спасибо, – сказал Мэтт. – Входи.

Бросив взгляд назад, он увидел, как Энни Гейтс с папкой в руках вышла из своего кабинета и посмотрела на Бет, потом на Мэтта. «Удачи!» – как бы говорил ее взгляд. Мэтт ответил улыбкой.

На Энни Гейтс был белый врачебный халат, на шее висел стетоскоп. В отличие от Бет и Лиллиан, Мэтт с Энни сочетались превосходно. Они были деловыми партнерами. Профессионалами. Кажется, он был в нее влюблен. Влюблен уже почти десять лет.

Мэтт Уилер был врачом общей практики и работал в этом здании пятнадцать лет. Он вырос в Бьюкенене, здесь же у него развилась, как он сам говорил, «тяга к медицине», и после обязательной практики в больнице Сиэтла и сдачи экзамена он вернулся в Бьюкенен, чтобы открыть частную клинику. Тогда его партнером был Боб Скотт, темноволосый нервный денверец, с которым они вместе стажировались. Они взяли в аренду помещение с тремя кабинетами и приемной на седьмом этаже Маршалл-билдинг, песчаникового здания времен Гувера, стоявшего на перекрестке Марина-стрит и Гроув-стрит.

Мэтт с коллегой прекрасно понимали все нюансы семейной практики – точнее, думали, что понимают. Деньги делались на узкоспециализированных случаях, на процедурах. А вот сама семейная практика была настоящей морокой. Дело было не только в пациентах – к этому оба были готовы. А вот возня со страховками и государственными программами медицинской помощи, бумажная волокита... со временем необходимость заниматься этим возросла многократно. Сославшись на тоску по большому городу, доктор Скотт сдался и в 1992 году уехал в Лос-Анджелес. Мэтт слышал, что он работал в пункте медицинской помощи в торговом центре – таких называли «будкодоками». Бывай, морока. Бывай, независимость.

Мэтт преодолевал трудности. Он не представлял себе жизнь за пределами Бьюкенена, не мог вообразить, какая работа доставляла бы ему больше удовольствия, – главное, чтобы ему не мешали ее выполнять. Вскоре после отъезда Боба умерла Селеста, и возросший спрос на его услуги, возможно, помог ему справиться с утратой.

Замена Бобу Скотту нашлась в июне того же года: девушка-интерн по имени Энн Гейтс. Мэтт не предполагал, что женщина захочет стать его партнером по бизнесу – особенно молодая блондинка в офисной юбке и очках в черной оправе, из-за которых ее глаза напоминали совиные, а на лице появлялось строгое и торжественное выражение. Он сразу предупредил, что работать придется подолгу, что нужно обзванивать пациентов, подрабатывать в местном пункте неотложной помощи и не ждать большого вознаграждения. «У нас не как в городе», – сказал он, вспоминая побег Боба Скотта и не сводя глаз с юбки-гармошки.

На это Энн Гейтс ответила, что выросла на ферме в прериях Южной Манитобы, что прекрасно знает, какова жизнь в маленьких городках и что Бьюкенен, будь он неладен, не такой уж и маленький (но с виду вполне приличный). Она справилась с больничной практикой в гетто, где в неотложку регулярно привозили людей с огнестрельными и ножевыми ранениями, а также наркоманов, не рассчитавших дозу. Она прошла через эти испытания, не утратив веру в краеугольные принципы медицины, а что касается «вознаграждения», то ей вполне хватит жилья без тараканов, чуть больше пяти часов сна в неделю и хотя бы нескольких пациентов, которых не стошнит на нее прямо на пороге кабинета.

Так у Мэтта появился новый партнер.

Они проработали вместе почти год, прежде чем начали узнавать друг друга как люди. Мэтт все еще приходил в себя после смерти Селесты и в это грустное время отмечал лишь неве-

роютное мастерство Энн Гейтс в области оптической ректороманоскопии³, процедуры, к которой он сам испытывал страх и отвращение, и ее неуверенность при столкновении с черепно-мозговыми травмами. Они стали брать пациентов, принимая в расчет собственные умения и слабости; почти все пожилые пациенты Мэтта перешли к Энн, а он, в свою очередь, стал больше заниматься с детьми. Но она была женщиной, а он – вдовцом и порой понимал, какой результат может оказаться у этого несложного уравнения. Чтобы отметить годовщину ее приезда в Бьюкенен, Мэтт пригласил Энн поужинать в «Траулер», ресторан у пристани. Мягкотелые крабы, лук-шалот в масле, «маргарита» и полный запрет на обсуждение работы. К концу вечера он уже звал ее «Энни». А через неделю они переспали.

Почти целый год прошел в пылких романтических отношениях. Затем они охладели друг к другу: не ссорились, но все реже устраивали свидания, реже спали вместе. Затем – полгода прежней страсти. Затем – новый перерыв.

Все это они не обсуждали. Мэтт не знал, по чьей вине, его или ее, происходят такие перепады. Но картина была ему ясна. С тех пор как Энни Гейтс впервые переступила порог его кабинета, прошло почти десять лет. Виски Мэтта поседели, на голове появились залысины, а в уголках глаз Энни образовались морщинки. Десять лет пролетели как миг, и ни разу за это время нельзя было сказать, что они расставались... или были вместе.

В последнее время в их отношениях вновь образовалась пустота, и Мэтт гадал, как Энни воспримет приглашение на пятницу. Как формальную любезность? Или как предложение провести вместе ночь?

И чего хотелось Мэтту?

Ответа он так и не нашел.

Он проводил Бет Портер в кабинет, напротив кабинета Энн.

Кабинет был крепостью Мэтта, которую возвел он сам. Главными предметами мебели были подлинные дубовые шкафы Викторианской эпохи, купленные на аукционе в 1985 году. За столом стояло скрипучее кожаное кресло, на котором четко отпечатывалась его задница. Окно выходило на город, вдали виднелись душная гавань и море.

Бет Портер уселась на стул. Мэтт поправил жалюзи, чтобы спрятаться от послеобеденного солнца. Недавно Энни поставила в своем кабинете вертикальные жалюзи с тканевым покрытием, которые казались Мэтту нелепыми. Его внутренний голос вещал: «Традиции!» Внутренний голос Энни отвечал: «Прогресс!» Может быть, эти незримые противоречия и отдаляли их друг от друга.

Впрочем, сегодня он только о ней и думал.

Усевшись в кресло, он посмотрел на Бет Портер.

Прежде чем пригласить девушку, он изучил ее медицинскую карту. Бет наблюдалась у Мэтта со своего одиннадцатого дня рождения; мать буквально силой приволокла ее в приемную, хмурого ребенка в картонном колпаке, с распухшим, огромным, как тыква, лицом. В перерыве между торгом и мороженым Бет каким-то образом потревожила гнездо шершней во дворе дома. Аллергическая реакция началась так внезапно и была настолько сильной, что мать даже не успела снять с дочери шапку. Веровочка плотно врезалась в распухший подбородок.

Это было девять лет назад. С тех пор Мэтт видел ее лишь изредка, а с пятнадцати лет она и вовсе перестала приходить. Еще одна проделка времени: Бет больше не была ребенком. Она превратилась в пухленькую, но достаточно привлекательную двадцатилетнюю девушку, которая выпячивала свою сексуальность в знак протеста. На ней были синие джинсы и тесная

³ Ректороманоскопия – метод медицинской диагностики, при котором производится визуальный осмотр слизистой оболочки прямой кишки.

футболка. Когда воротник опускался, Мэтт замечал под левым плечом что-то синее. Боже правый, татуировка!

– Бет, с чем пожаловала?

– У меня простуда, – ответила девушка.

Мэтт сделал вид, что записывает. За годы практики он понял, что люди чаще делятся подробностями, когда ты держишь ручку. Белый халат тоже был нелишним.

– Сильная?

– Ну... не особенно.

– Что ж, обычное дело. На этой неделе все простужены. – Это было правдой. Энни пришла на работу, хлюпая носом. Лиллиан Бикс в приемной всеми способами сдерживала сопли. Самому Мэтту пришлось в обед принять антигистаминное средство. – От простуды лекарств нет. В груди не давит?

– Немного, – помешкав, кивнула Бет.

– Давай послушаем.

Бет нервно выпрямилась. Мэтт принялся прикладывать стетоскоп к ее спине. Застоя в легких не было, и он не сомневался, что визит вовсе не связан с простудой. Слушая легкие, он просто налаживал отношения «врач – пациент». Устанавливал медицинскую близость. Он пощупал горло, отметил, что лимфоузлы немного увеличены – твердые камушки под плотью, – и насторожился.

– Ничего необычного, – заключил он, облокотившись на край стола.

Бет потупила взгляд. Кажется, она не удивилась.

– Бет, у тебя есть жалобы, помимо простуды? Тебя беспокоит что-то еще?

– Похоже, гонореей подцепила, – призналась Бет Портер.

Мэтт записал.

К удивлению Мэтта, симптомы она описала не краснея.

– Прошерстила медицинскую энциклопедию, – добавила она. – Очень похоже на гонорее, а это вроде штука серьезная. Вот записалась. Что думаете?

– Думаю, диагноз подтвердится. Может, тебе во врачи пойти?

Бет улыбнулась.

– Узнаем больше, когда получим результаты тестов, – добавил Мэтт.

– Каких тестов? – Улыбка девушки померкла.

Мэтту пришлось позвать Энни, чтобы та отвлекала Бет, пока он берет мазок. Не обошлось без привычной шутки про гинекологическое зеркало в морозилке. Энни расспрашивала Бет о работе в «Севен-Илевен», которая, по словам Бет, была страшно скучной. Продавать замороженные пирожки и буррито почти до полуночи и возвращаться домой с менеджером, когда на дорогах остаются одни лесовозы и фуры.

Мэтт взял мазок и наклеил метку. Бет сползла со стола. Энни отправилась по своим делам.

– Когда будет результат? – спросила Бет.

– Если в лаборатории нет аврала, то завтра к вечеру. Я позвоню.

– Домой?

Мэтт понял намек. Бет все еще жила с отцом, регулярно наблюдавшимся у Мэтта по поводу хронического простатита. Билли Портер был нормальным мужиком, но немногословным и консервативным – снисхождения к дочери от него ждать не стоило.

– Могу позвонить на работу, если номер дашь.

– А если я сама позвоню?

– Без проблем. Давай часа в четыре? Предупрежу администратора, чтобы тебя со мной соединили.

Это ее успокоило. Она кивнула и принялась засыпать Мэтта вопросами. Что, если это правда гонорея? Сколько придется принимать антибиотики? Нужно ли говорить ее... любовнику?

Ответы она выслушала внимательно. Без кассеты в плеере Бет Портер производила впечатление вполне разумной девушки.

Разумной, но, как раньше говаривали психиатры, «проблемной». Переживающей непростую пору в своей жизни. И уставшей от этого, судя по утомленному прищурю глаз.

Ей было двадцать, но выглядела она одновременно и намного старше, и намного младше.

– Если хочешь поговорить... – начал он.

– Нет, не хочу. Спасибо вам. Обещаю принимать все лекарства и следовать всем указаниям. Но обсуждать это не хочу, – немного холодно ответила Бет.

– Ясно, – ответил Мэтт. – Не забудь завтра позвонить. Потом, вероятно, придется зайти за рецептом. А после курса лечения явишься на повторный осмотр.

– Спасибо, доктор Уилер, – с пониманием ответила она.

Мэтт проставил дату в ее карточке и убрал карточку в корзину с пометкой «выполнено». Затем вымыл руки и вызвал Лиллиан Бикс, последнюю пациентку.

У Лиллиан уже давно не случилось месячных, и она решила, что беременна.

Эта тридцатидевятилетняя женщина была замужем за лучшим другом Мэтта. Разговор вышел откровенным, пусть и немного неуклюжим. Лиллиан стеснялась и запинаясь, но в конце концов изложила суть. Мэтт выдал ей баночку для анализов и направил в туалет. Лиллиан покраснела до кончиков ушей, но выполнила указание. Когда она вернулась, Мэтт наклеил на баночку ярлык «ХГЧ»⁴.

Лиллиан сидела напротив, держа на коленях сумочку. Мэтт часто думал, что Лиллиан – воплощение слова «маленький». Она сама была маленькой, ее сумочка была маленькой, ее присутствие было почти незаметным. Может, поэтому она была так счастлива в браке с Джимом Биксом, шумным здоровяком, а тот, в свою очередь, был невероятно увлечен своей женой.

За долгие годы брака у них не появилось детей, но Мэтт эту тему не поднимал. Теперь, облаченный в белую врачебную броню, он спросил Лиллиан, намеренно ли они избегали зачатия.

– Вроде того, – задумчиво ответила та. – Ну, скорее так хотел Джим. Он всегда... ну, сам понимаешь. Предохранялся.

– И ты не возражала?

– Нет.

– Но контрацепция – не гарантия полной защиты.

– Знаю, – кивнула Лиллиан.

– Что будешь делать, если выяснится, что ты и вправду беременна?

– Обрадуюсь. – Ее улыбка была искренней, но немного вялой. – Я давно к этому готовилась.

– Всерьез готовилась? К подгузникам, ночному кормлению, ободранным коленкам, растяжкам на коже?

– Когда нужно, ко всему привыкаешь. Мэтт, я понимаю. Но я действительно представляла, как стану матерью, часто представляла.

– А с Джимом уже обсуждала?

– Даже не намекала. Не хочу говорить, пока не будет точно известно. – Ее глаза под тонкими бровями посмотрели на Мэтта с беспокойством. – Ты ведь ему не скажешь?

⁴ ХГЧ (хорионический гонадотропин человека) – гормон, вырабатывающийся у женщин после оплодотворения яйцеклетки и являющийся одним из главных показателей развития беременности.

- Не скажу, если сама не попросишь. Врачебная тайна.
- Даже между врачами?
- Это как воровская честь.

Лиллиан снова улыбнулась. Улыбка мелькнула и угасла.

- Вы ведь постоянно обедаете вместе.

Джим работал в клинике гистологом. Они с Мэттом познакомились еще на подготовительных медицинских курсах и регулярно обедали в китайском кафе на Гроув-стрит, в двух кварталах от клиники.

– Возможно, мне будет слегка неловко. Но анализ делается быстро. Совсем скоро мы все узнаем наверняка. – Он сделал вид, что записывает. – Лиллиан, ты в курсе, что у женщин твоего возраста порой случаются осложнения...

- Знаю. Я все знаю. Но есть же способы заранее это понять.

Мэтт почувствовал ее нервозность и попытался успокоить:

– Если решишь рожать, будем держать все под контролем. Не думаю, что возникнут проблемы. – Он держал в уме еще кое-что, но пока не собирался выкладывать это Лиллиан.

- Хорошо, – ответила она.

Но снова нахмурилась. Она не была уверена и выглядела далеко не радостно. Мэтт не знал, выяснять ли причины недовольства или оставить все как есть.

- Что тебя беспокоит? – спросил Мэтт, отложив ручку.

– Ну... три вещи. – Лиллиан убрала платок в сумочку. – Одну мы уже упоминали – мой возраст. Я волнуюсь. Во-вторых, конечно, Джим. Как он отреагирует? Боюсь, для него это станет... как бы сказать, знаком, что молодость прошла? Не знаю, захочет ли он брать на себя такую ответственность.

– Может, и не захочет, – сказал Мэтт. – Но я сильно удивлюсь, если он не сживется с этим. Джим – парень эпатажный, но каждый день исправно приходит на работу, выполняет ее добросовестно и никогда не опаздывает. Что это, если не ответственность?

Лиллиан кивнула и, кажется, обрела некую уверенность.

- А что третье? – спросил Мэтт.

- Что-что?

- Ты сказала, тебя беспокоят три вещи. Возраст, Джим... что еще?

– Разве не понятно? – Она посмотрела на него через стол. – Иногда я открываю окно по вечерам... и смотрю на эту штуковину в небе. Мне страшно. А теперь еще эти глыбы, или здания, или что там они разбросали по городам? Я видела их по телевизору. Мэтт, это ерунда какая-то. Как называется эта фигура? Октаэдр? Я не произносила этого слова после школы. Октаэдр размером с океанский лайнер посреди Центрального парка. Как ни включишь телевизор, только это и показывают. Но никто не знает, зачем это все. Без конца обсуждают, но высказывают лишь досужие домыслы. Естественно, я переживаю. Что будет дальше? Может, я вовсе не беременна, а лишь выдаю желаемое за действительное? Или это нервное. – Она поправила сумочку на коленях и просверлила Мэтта взглядом. – Мэтт, ты же отец. Ты должен понимать, что я имею в виду.

Конечно, он понимал. Те же сомнения отражались в поведении Бет Портер с ее зависимостью от плеера, были они и у его собственной дочери Рэйчел, которая после уроков постоянно смотрела новости, подтянув колени к лицу.

Успокоив Лиллиан Бикс, он отправил ее домой и прибрался в кабинете, пока Энн принимала своего последнего пациента. Потом он раскрыл жалюзи, впуская внутрь солнечный свет. Яркий длинный луч упал на плиточный пол, погладил дубовые шкафы. Мэтт окинул взглядом город.

С седьмого этажа Маршалл-билдинг Бьюкенен казался длинным плоским пятном, врезавшимся в синеву океана. Уже не такой маленький, как пятнадцать лет назад, когда Мэтт только открыл клинику, но по-прежнему весьма тихий грузовой порт. Много изменилось с тех пор. Пятнадцать лет назад Мэтт только окончил ординатуру. Рэйчел была совсем маленькой, Селеста была жива, а в Бьюкенене проживало на несколько тысяч человек меньше.

Время, жестокое сучье отродье, все изменило. Три месяца назад Мэтту стукнуло сорок, его дочь изучала буклеты колледжей, Селеста уже десять лет лежала в могиле на кладбище Бруксайд... а вокруг Земли уже год с лишним кружил космический корабль цвета бетона.

Мэтт уже не в первый раз понял, как сильно он ненавидит этот объект, зависший в ночи дамокловым мечом.

Он всем сердцем любил этот город. Казалось, так было всегда, с самого рождения. Мэтт находил это забавным. Многие люди не привязаны к месту: могут припарковаться у «Мотеля-6» и чувствовать себя там как дома. Некоторые, включая нескольких друзей Мэтта, с детства терпеть не могли Бьюкенен с его провинциальностью. Но для Мэтта Бьюкенен был его отражением, он не мог жить без города, как без сердца или печени.

В детстве он был одиночкой и порой сторонился других детей. Он выведал все тайны гавани, главной улицы и реки Литл-Данкан задолго до того, как приобрел первого близкого друга. Он впитал глубоко в себя этот город, его ухабистые дороги, пихты, туманные зимы и полуобвалившиеся фасады домов времен золотой лихорадки в центре.

Здесь была похоронена его жена. Селесту погребли на кладбище Бруксайд, в двух шагах от устья Литл-Данкана, у часовни, где по воскресеньям в полдень всегда раздавался колокольный перезвон. Его родители тоже лежали рядом.

Мэтт не сомневался, что и его когда-нибудь похоронят здесь... но в последнее время это убеждение пошатнулось.

На прошлой неделе он относил цветы на могилу Селесты и сразу за кладбищенскими воротами вдруг испытал мрачную уверенность в том, что ветра судьбы унесут его куда-то далеко, где он и встретит свой конец.

Мэтт, как Лиллиан Бикс, как все остальные, пал жертвой предчувствий.

Уродливый белый корабль-призрак показывался в небе каждую ясную ночь. Неудивительно, что Лиллиан боялась. Кто, черт побери, не боялся? Но Мэтт Уилер не собирался падать духом. Делай что должен и не сдавайся. Так и надо поступать.

Он услышал, как Энни провожает последнего пациента, и собрался выйти в коридор, чтобы озвучить приглашение, но тут зазвонил телефон. Неурочный звонок Джима Бикса еще больше усилил тревогу Мэтта.

– Надо поговорить, – сказал Джим.

Мэтт сразу же подумал, что дело в визите Лиллиан.

– Что случилось? – спросил он осторожно.

– Не телефонный разговор. Заглянешь в больницу после работы?

Значит, дело не в Лиллиан. Джим говорил чересчур взволнованно. Не так, как человек, только что узнавший о грядущем отцовстве. Голос его звучал намного мрачнее.

Мэтт взглянул на часы:

– У Рэйчел сегодня мало уроков, и она обещала приготовить ужин. Может, встретимся завтра за обедом?

– Лучше сегодня. – Джим взял паузу. – Я работаю сверхурочно, но готов заскочить по дороге домой. Ты не против?

– Насколько поздно?

– Скажем, в одиннадцать? В полдвенадцатого?

– Это важно?

– Да.

Никаких «наверное» или «вроде бы». Четкое «да». По коже Мэтта пробежали мурашки.

– Давай, – согласился он. – Буду ждать.

– Хорошо, – ответил Джим и сразу повесил трубку.

Мэтт поймал Энни в дверях.

Когда он сообщил о пятничной вечеринке, та улыбнулась и пообещала прийти. Фирменная улыбка Энни Гейтс. Она поблагодарила Мэтта, тронула за руку. Он проводил ее до стоянки.

«Господи, – подумал Мэтт, – наши чувства то просыпаются, то затихают, но сейчас определенно не спят».

Эта мысль приятно удивила его.

Перед тем как сесть в свою «хонду», Энни приобняла Мэтта. Прикосновение оказало целительное воздействие. Плохо быть одному, когда в мире происходят непредвиденные события.

Глава 2. Бруксайд

В декабре 1843-го исследователь Джон Фримонт наносил на карту территории, позднее ставшие штатом Орегон, и как-то раз, спасаясь от ужасной снежной бури высоко в Каскадных горах, всего за день спустился к озеру, окруженному мягкой зеленой травой, – короче говоря, попал из зимы в лето. Гряды, от которой Фримонт пустился в путь, он назвал Зимней, а озеро, где его группа разбила лагерь, – Летним.

Полтора ста лет спустя штат по-прежнему был примечателен в первую очередь своим ландшафтом. К югу от Портленда, между Каскадным и Береговым хребтами, на сто восемьдесят миль простиралась долина Уилламетт, главная житница штата. К западу от Береговых хребтов расположился прибрежный Орегон, полоса сельскохозяйственных земель и лесов протяженностью в двести восемьдесят и шириной в двадцать пять миль, по которой были разбросаны мелкие рыбацкие деревеньки.

Бьюкенен был крупнейшим из прибрежных городов, грузовым портом на берегу широкой, но мелкой бухты. Благодаря основанной в 1895 году целлюлозно-бумажной фабрике Данс-мьюира к концу двадцатого века его население выросло почти до сорока тысяч жителей. В доки поступали товары из всех стран тихоокеанского побережья, а рыболовный флот был крупнейшим к югу от Астории.

Бьюкенен готовился стать крупным городом, что принесло как новые возможности для развития, так и новые проблемы: расовое многообразие, рабочие места, анонимность, преступность. Но в июле по-прежнему проходил ежегодный фестиваль рыбалки и лесоповала, а местное радио в промежутках между бесконечными кантри-песнями все так же выдавало расписание приливов и отливов и график нереста лосося.

Как и в любом городке на побережье Орегона, в Бьюкенене было дождливо. Зимой океан, казалось, вторгся в воздух. Дождям всегда сопутствовала смесь из тумана, мороси, пара и дымки. Город накрывали низкие тучи. Зимы тянулись неспешно, ввергая жителей в меланхолию.

Но даже в Бьюкенене небо бывало чистым. Это лето выдалось особенно засушливым. Начиная со Дня независимости над городом стояла ясная тихоокеанская погода. Водохранилища обмелели, в прибрежных лесах объявили угрозу пожара. В пожухлой коричневой траве лужаек стрекотали цикады.

Дни переходили в долгие летние вечера.

Тем вечером Мэтт Уилер задумался о кладбище Бруксайд, поразмышлял немного и забыл об этом. Он поужинал поджаренной на сковороде отбивной и принялся обдумывать более насущную проблему: тревожный звонок Джима Бикса. Кладбище Бруксайд напроочь вылетело из его головы.

Зато оно занимало заметное место в головах других людей.

Например, Мириам Флетт.

А также Бет Портер и Джоуи Коммонера.

«АНОНСИРОВАНО ОБРАЩЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ», – гласил заголовок газеты «Бьюкенен обсервер».

Мириам Флетт разложила передовицу на кухонном столе и накинулась на нее с карманной бритвой, купленной утром в канцелярском магазине Делайла внутри торгового центра «Ферри-Парк».

Мириам нравилось пользоваться этими сменными карманными лезвиями. Нажимаешь кнопку, и из округлого пластмассового корпуса выдвигается язычок из нержавеющей стали.

они продавались прямо на кассе по пятьдесят девять центов и были разноцветными. Мириам покупала по штуке каждую неделю. В этот раз она выбрала успокаивающую – голубенькую.

Лезвие же было вовсе не успокаивающим, а блестящим и острым, как коготь хищной птицы.

Мириам атаковала газету. Четыре аккуратных разреза отделили «АНОНСИРОВАНО ОБРАЩЕНИЕ» от шедших ниже заголовков «ОТРАВЛЕНИЕ ЯДОМ МЕДУЗЫ?» и «ЛЕСО-ЗАГОТОВИТЕЛЬНУЮ ОТРАСЛЬ ОЖИДАЕТ СПАД».

Она поискала в нижнем правом углу статьи слова «продолжение на с. 6» или что-нибудь в этом духе, но их там не оказалось. «Продолжения» всегда раздражали ее.

«Вот и славно», – подумала Мириам. Доброе предзнаменование.

Мириам толком не понимала, что за труд взяла на себя, но ясно сознавала две вещи. Во-первых, этот труд важен. Во-вторых, нужно быть аккуратной.

Если бы Бет Портер и Джоуи Коммонер с ревом пронесли на «ямахе» Джоуи по Белл-фонтен-авеню сейчас, а не позже, то могли бы заметить Мириам в окне ее маленького бунгало. В лучах заходящего солнца она делала вырезки из газет – маленькая седовласая фигурка, согнувшаяся над исцарапанным кухонным столом.

Все свои пятьдесят шесть лет Мириам прожила в Бьюкенене. Почти половину этого времени она была секретарем директора в общественной школе имени Джеймса Бьюкенена. В прошлом году ей сделали выговор за раздачу религиозных листовок школьникам, вызванным к директору Клею. Директор Клей (чье первое имя было Марион, и страшно подумать, что бы случилось, если бы, упаси господи, дети узнали, что скрывается за подписью «М. Джонатан Клей») намекнул, что Мириам стоит задуматься о досрочном выходе на пенсию. Повторять дважды ему не пришлось.

Некогда Мириам держалась бы за эту работу обеими руками, вцепилась бы в нее так, что если и оторвут, то с ногтями. Мириам не любила перемен в жизни, но в прошлом году, когда в небесах появилось Око Божье, та, прежняя Мириам умерла.

В ее понимании смысл этого явления был совершенно ясен.

Города меняются. Люди умирают. Любовь не вечна. Мир со временем становится почти невыносимо чужим.

Вера все терпит.

Она редко ходила в церковь. По ее мнению, местные церкви, даже Истинная Баптистская, считавшаяся фундаменталистской, неверно истолковывали Библию. Мириам верила в Бога, но не была с Ним в «близких отношениях», как телевизионные проповедники. Сама мысль об этом ее пугала. Церкви делали упор на прощении и отпущении грехов, но Мириам прочла Библию трижды и так и не нашла доказательств тому, что Бог добр. Милосерден – пожалуй. Изредка. Мириам глубоко верила в грозного Бога Авраама и Исаака, требовавшего кровавых жертвоприношений; Бога, готового уничтожить человечество, если оно прогневает Его, подобно фермеру, опрыскивающему свои посевы карбофосом, чтобы избавиться от нашествия вредителей.

С этими мыслями, смутно бродившими в голове, Мириам присмотрелась к вырезке.

Белый дом объявил, что президент выступит с обращением к гражданам на фоне слухов о прорыве в коммуникации с так называемым инопланетным космическим кораблем на земной орбите.

С похожими заявлениями выступили также лидеры других ведущих мировых держав, в том числе президент России Юденич и премьер-министр Великобритании Уокер.

Эти заявления привели к обвинениям в сокрытии информации. Выступая перед конгрессом, республиканский партийный организатор Роберт Мэйхью обвинил президента в...

Мириам вздохнула и отложила клочок газеты. В этот день новости, особенно политические, не доставляли ей удовольствия. Положив очки на стол, она протерла глаза.

Кухонный стол серьезно пострадал от ее работы. Вырезая ту или иную заметку, она порой чересчур усердствовала, и ее бритвы кромсали пластмассу, иногда сдирая целые куски. Стол напоминал разделочную доску мясника, о чем Мириам жалела. В остальном кухня была весьма чистой. Мириам всегда считала, что кухня должна быть чистой.

Она снова надела очки и поднесла к глазам альбом для вырезок.

Текущий том был десятым. Остальные девять были сложены в буфете у стола. На верхней полке хранились поваренные книги и баночки со специями, на нижней – ее труды.

После ухода из школы – Око Божье появилось вскоре после этого – Мириам не потребовалось много времени, чтобы понять: в мире она одинока. В Бьюкенене у нее не было друзей, и даже в церкви ее считали чужаковатой. Из родни остался лишь отец, да и тот доживал свои дни в доме престарелых «Маунт бейливик». Он говорил несвязно и страдал недержанием, но Мириам навещала его каждый день и говорила с ним, хотя его глаза всегда были подернуты пеленой безразличия. Рассказала она и о своем проекте.

– Я начала делать вырезки из газет, – сообщила она, изо всех сил стараясь обнаружить на отцовском лице удивление или неодобрение. Ничего подобного. Небритый, он сидел на кровати и смотрел на Мириам тем же пустым взглядом, что и на телевизор, будь то до ее прихода или после.

– Мне кажется, это мое призвание, – осмелев, продолжила она. – Не могу объяснить почему. Меня никто не заставлял этим заниматься. Я собираю все газетные заметки об Оке Божьем и наклеиваю в альбом. Кто-нибудь найдет их и поймет, что произошло. Не знаю, чем все это закончится и кому нужно будет об этом напоминать. Но я должна это делать.

Раньше папа отвечал ей, высказывая свое мнение по поводу «проектов» Мириам – почти всегда пренебрежительное. Мириам очень редко соответствовала папиным ожиданиям.

Но insult отбил у него все ожидания. Мириам могла говорить и делать все, что пожелает, прямо у него на виду.

Ей захотелось уволиться, когда директор Клей обвинил ее в фанатизме. Она уволилась. Ей захотелось завести альбом для вырезок. Она его завела.

Она сняла с полки первый том. Ему было чуть больше года, но газетная бумага внутри уже пожелтела и стала хрупкой.

Все вырезки были из «Обсервера», большинство – с пометками «Юнайтед-пресс интернэшнл» или «Рейтерс». Мириам могла бы добыть больше, если бы воспользовалась портлендской газетой или сходила к Даффи за «Нью-Йорк таймс». Но она не ставила целью наклеить *больше*. Нужно было наклеить *в достаточном количестве*.

В НАСА УДИВЛЕНЫ ПОЯВЛЕНИЕМ ОБЪЕКТА В НЕБЕ

Первая вырезка, пробуждавшая у Мириам самые теплые воспоминания. Она перевернула страницу.

«НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВРАЖДЕБНЫЙ», – ЗАКЛЮЧИЛИ В ООН
МИР ОХВАЧЕН СТРАХОМ
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В ИОРДАНИИ И АНГОЛЕ

Мириам перевернула сразу несколько страниц.

В НЬЮ-ЙОРКЕ ОТМЕНЯЮТ КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС; ПО СЛОВАМ
МЭРА, ПАНИКА ПОЧТИ ПРЕКРАТИЛАСЬ

Целый пласт истории, заключенный в альбомах! Мириам перескочила к третьему тому. Здесь заголовки выглядели менее крикливыми. Значительная часть вырезок была из раздела «Заметки»: так называемые авторские статьи. По мнению Мириам, совершенно бесполезные. Тем не менее она усердно собирала их.

САГАН: РАЗУМНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ НЕИЗБЕЖНА

Астроном и популярный писатель Карл Саган утверждает, что события последнего полугодия были «в той или иной форме неизбежны, учитывая гигантскую вероятность возникновения разумной жизни в других уголках галактики. Нужно радоваться, что это случилось на нашем веку».

Саган не считает, что от объекта исходит угроза. «Да, попыток выйти на связь не было. Но подумайте о том, что межпланетное путешествие, должно быть, длилось невероятно долго. Существа, совершившие его, наверняка чрезвычайно терпеливы. Нужно и нам проявить терпение».

Мириам хорошо знала эту песню. Колыбельная, насвистываемая в ночи. Делая вырезки из «Обсервера», Мириам устала от Сагана и прочих экспертов, к которым так охотно обращались журналисты. Очевидно, они были столь же невежественными, как и все остальные. И мнения их были ошибочными.

«Это Око, – была уверена Мириам, – и нужно ли гадать, кто через него глядит? А раз есть Око, то будет и Длань. Наказующая».

Том шестой. Апрель и май этого года. Очень толстый том.

ИНОПЛАНЕТНЫЕ АРТЕФАКТЫ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ

Лучше всего историю рассказывали фотографии. Вот панорамный снимок так называемого артефакта, одной из ярких крошек, рассыпанных Оком наподобие конфетти или снежинок – всего около двухсот, равномерно рассеянных по миру. Вот более поздние снимки, на них уже не снежинки, а многогранные конструкции цвета обсидиана, нависающие над величавыми городами-ульями – Нью-Йорком, Лос-Анджелесом, Лондоном, Москвой, Мехико, Амстердамом, Йоханнесбургом, Багдадом, Иерусалимом и многими другими, отмеченными на карте мира в газете от 16 апреля. Мрачные октаэдры. Нечеловечески совершенные. Они не летели, не парили, не ныряли, не планировали, не скользили по воздуху. Просто упали, пронзив атмосферу – точно нацеленные капли. С изяществом бабочек приземлились на открытых площадках и замерли там. Никто из них не вышел. После прибытия октаэдры стояли и отбрасывали длинные тени, ничего больше.

Мириам полагала, что господин Саган по-прежнему призывал к терпению.

Если не само Око, то как минимум эти Пальцы Божьи влияли на жителей Бьюкенена. Мириам видела, что люди стали воспринимать Око как нечто обиденное. Так бывает с любыми объектами, которые ты видишь изо дня в день. Но Пальцы были посланием. Они как бы говорили: «Да, у меня была причина прибыть сюда. Нет, я с вами еще не закончил. Я никуда не тороплюсь, и вы ничего мне не сделаете». Непреложная истина, нарушавшая глупую радость соседей Мириам, истина, заставлявшая пригибать голову гордецов и приглушавшая голоса власть имущих. До Бьюкенена стало наконец доходить, что близится конец времен или нечто вроде того и что будущее непредсказуемо.

Мириам раскрыла десятый том на первой пустой странице и, сделав пару мазков клеевым карандашом, купленным все в том же магазине Делайла, наклеила заметку «АНОНСИРОВАНО ОБРАЩЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ».

Она надеялась, что на этот день с «Обсервером» покончено. Мириам устала. Она купила продуктов на неделю вперед и была совершенно измотана, возможно, даже слегка температурила, чувствовала легкое головокружение. Кассирша «Делайла» трижды чихнула в платок, пока Мириам покупала бритву. Мириам расплатилась долларовой банкнотой и теперь беспо-

коилась, не подхватила ли заразу со сдачей. Как там называется эта болячка? Тайваньский грипп? Этого еще не хватало... времена и без того предстоят тяжелые.

Но Мириам была ответственной и не сразу отправилась спать. Она перелистала газету и, шурясь сквозь очки, просмотрела каждую статью. На первых страницах для ее альбома ничего не нашлось. Она не без удовольствия отметила, что «Пердис», большой универмаг в торговом центре «Ферри-Парк», прекратил давать рекламу под заголовком «БЕЗУМИЕ НОВОЙ ЛУНЫ» с дурацкой карикатурой на Око Божье, глядящее на стиральную машинку «Кенмор». Может, рекламщиков «Пердис» отговорили от этого святотатства. А может, они сами завоновались, как и все. Во втором (и последнем) разделе «Обсервера» Мириам увидела нечто неожиданное.

Некролог ее отца.

Удивляться было глупо. Мириам сама его заказала. Папа был уважаемым инструктором по токарному делу в местном колледже, и Мириам не сомневалась, что его кончина заслуживает упоминания в газете.

Но неминуемая публикация некролога, как и прочие обстоятельства смерти отца, утекли из головы Мириам, как роса стекает с древесного листа.

Теперь она вспомнила все и отметила в календаре дни необходимых встреч: в субботу – с преподобным Экройдом, чтобы обсудить детали поминальной службы. Нужно было зайти к распорядителю похорон в Бруксаиде. Уведомить папиных друзей и коллег, которых, впрочем, осталось совсем немного.

Он умер в ночь на понедельник, во сне. Врач из «Маунт бейливик» сказал, что сердце просто остановилось, как уставший от войны солдат, что выбрасывает белый флаг. Но Мириам не присутствовала при кончине отца и до сих пор не могла осознать, что его больше нет.

Больше не будет неприятных молчаливых визитов в его комнату. Больше не будет гадких подозрений, что его душа после инсульта покинула тело и была заменена каким-то дышащим механизмом.

Папа больше не позовет ее по имени, не стоит и надеяться. Она больше не почувствует запаха его мыла для бритья, не увидит ослепительно-белых накрахмаленных воротников его рубашек.

Не услышит привычного «Мириам, сегодня постарайся сильнее», фразы, что неслась ей вслед каждый раз, когда она уходила в школу, сначала как ученица, потом как учительница.

После инсульта папа превратился в призрака на больничной койке. Смерть поменяла его статус. Когда из «Маунт бейливик» позвонили и сообщили, что его не стало, на Мириам невольно нахлынули воспоминания о разных местах: о доме на Кэмерон-авеню, где они прожили много лет, о ее комнате, кровати и книгах, о колыпании кружевных занавесок, когда она открывала окна летними вечерами.

Она не вспоминала об этом уже тридцать лет.

После смерти папа стал одной из этих забытых и утраченных вещей.

«О нем скорбит его дочь Мириам», – говорилось в некрологе. Но это было полуправдой. Все неоправданные надежды, что терзали ее, когда она приходила в больничную палату, все это тоже покинуло ее. Она искренне оплакивала его в ночь смерти... но с тайным облегчением и глубоко запрятанным детским ликованием.

Эти чувства она, разумеется, держала при себе.

Но Око, безусловно, видело все.

Мириам положила искромсанную газету поверх стопки, которой предстояло быть выброшенной. Десятый том занял свое место на полке.

Она налила себе чаю. Солнце опустилось совсем низко. Небо было прозрачно-чернильным, и Око уже заглядывало в большое заднее окно.

Мириам задернула шторы.

Включив телевизор, она посмотрела вечерние новости по портлендскому кабельному каналу. Ведущие, мужчина и женщина, казались детьми. Вырядившимися по-взрослому. А где были сами взрослые? Наверное, умерли.

Тыльной стороной ладони она потрогала лоб.

«И правда температура, – подумала Мириам. – Небольшая – уж точно».

Погасив свет, она проверила, заперта ли дверь, и отправилась спать.

Потом уснула, едва натянув на плечи одеяло.

Лишь однажды она пошевелилась во сне – после полуночи, когда мимо дома промчался мотоцикл Джоуи Коммонера. Сквозь рев двигателя едва можно было слышать смех Бет Портер.

Мириам повернулась и, как только шум стих, снова уснула. Но сон ее не был глубоким.

Ей снилось кладбище Бруксайд.

На закате, когда Мириам Флетт с отсутствующим видом листала многочисленные тома своего труда, Бет Портер стояла на южной стороне парковки универмага «Ферри-Парк», хлюпая носом и дожидаясь Джоуи Коммонера.

Она сомневалась, стоило ли вообще приходить. В кожаной куртке было жарко, да и выглядела она глупо. Лучше бы, наверное, отлежаться дома. Она ведь больна. Доктор Уилер так сказал.

На парковке не было машин – одинокое пустое пространство, озаренное голубоватым светом уходящего дня.

Воздух все еще был жарким, но небо уже сделалось мрачным и бесцветным: значит, к полуночи с моря подует прохладный ветерок.

Бет взглянула на часы. Конечно, он опаздывал.

«Говнюк ты, Джоуи Коммонер! – подумала она. – А ну живо сюда!»

Но она не знала, что делать, когда он приедет.

Послать его на хрен?

Может быть.

Поехать с ним кататься?

Может быть.

В Бруксайд? В ночи, на мотоцикле, с баллончиком краски, который она купила только потому, что он ее попросил? Ну... ну... может быть.

Спустя десять минут она услышала, как его мотоцикл с ревом повернул с шоссе.

Он промчался по парковке, резво петляя и наклоняя мотоцикл так, что едва не задевал локтями асфальт.

На нем были черный шлем и черная футболка. Футболка из сувенирного магазина Ларри в гавани. Заведение Ларри считалось наркоманским, пока несколько лет назад все его прикормы не попали под запрет. Никаких больше бульбуляторов, никаких пособий по выращиванию травы. Теперь у Ларри продавались кожаные брюки, футболки с крикливыми изображениями хеви-метал-групп, и только латунные ременные пряжки в форме листьев марихуаны напоминали о былом.

На футболке Джоуи Коммонера был изображен кричащий неоновый череп в куче кроваво-красных роз. Бет не знала названия группы, которую символизировал рисунок. Она не слушала метал и не интересовалась мертвецами. Да и Джоуи тоже. Девушка готова была побиться об заклад, что он купил эту футболку лишь из-за рисунка. Он любил такие картинки.

Он остановился в ярде от нее, не заглушив ревущий и чихающий двигатель. Сочетание футболки и шлема показалось Бет причудливым. Шлем был черным, глянцевым, с зеркальным

забралом. В нем Джоуи напоминал какое-то насекомое. Не видя лица, человек невольно обращал внимание на футболку. На череп.

Джоуи снял шлем, и Бет расслабилась. Прежний Джоуи. Длинные светлые волосы под шлемом свалились, но первый же порыв ветра растрепал их над плечами. Ему было девятнадцать, но выглядел он младше. Круглые щеки и задержавшиеся подростковые угри. Джоуи очень хотелось выглядеть опасным парнем, но природа не желала содействовать ему в этом. Природе было угодно, чтобы дерзость Джоуи выглядела капризностью, а враждебность – обидчивостью.

Он стоял, зажав мотоцикл между ног, ожидая, что скажет Бет. За его спиной заходило солнце.

Бет вдруг почувствовала, что ее сердце бешено колотится, словно она перебрала кофе. Голова слегка кружилась. Она нервничала.

– По телефону мне показалось, что ты сердишься, – начал Джоуи, почувствовав, что тишина затянулась.

Бет вспомнила все оскорбления, которые придумала с тех пор, как вышла от доктора Уилера. Но красноречие покинуло ее. Она перешла сразу к делу:

– Ты мне трипак подкинул, ублюдок!

Удивительно, но он улыбнулся:

– Гонишь?

– Не гоню, на хрен! Ты меня заразил!

Он переварил информацию.

– То-то я думал... – произнес он с той же нагловатой улыбочкой.

– Чего ты думал?!

– Ну, мне немного больно...

– Что больно?

– Когда я ссу, – ответил он тоном двенадцатилетнего мальчишки.

Бет закатила глаза. Безнадежен, абсолютно безнадежен. «Мне больно, когда я ссу». Какого хрена! Что теперь, жалеть его?

– Джоуи, с кем ты трахался?

– Ни с кем! – обиженно воскликнул он.

– Ни с кем? А трипак от кого подхватил?

Он задумался.

– В прошлом году, – вспомнил он, – мой двоюродный брат возил меня в одно заведение. В Такоме.

– Заведение? Бордель, что ли?

– Вроде того.

– Бордель в Такоме?

– Ну да. Нам обязательно это обсуждать?

Бет поняла, что все время переспрашивает его и едва не повторила последнюю фразу: «Нам обязательно это обсуждать?» Тогда она собрала в кулак остатки самообладания:

– Джоуи, ты трахнул проститутку в Такоме и заразил меня гонореей. Я зла на тебя.

– Тогда мы с тобой еще не встречались, – оправдался он и добавил нехотя, как показалось

Бет: – Прости.

– За «прости» лекарств не купишь. – Она отвернулась. – Это мерзко.

– Прости. Ладно? Что мне еще сказать? Прости. – Он сдвинулся вперед на сиденье «ямахи». – Залезай.

Ей хотелось ответить «нет». Слишком просто все выходило. Нельзя, чтобы он отделался одним «Прости. Залезай».

Или все на самом деле было просто и он мог этим отделаться?

Она почувствовала, как внутри, в пустоте, перевернулось что-то тяжелое.

– Краску купила? – спросил Джоуи.

Пакет в руке выдавал ее. Она протянула его Джоуи.

– Отлично.

Он стал выжимать стартер, пока мотор не заревел на высоких оборотах. Надел шлем. Второй шлем был прицеплен к мотоциклу. Бет надела его на голову, заправив волосы.

Садясь на мотоцикл, она вдруг почувствовала прилив радости... загадочный, опьяняющий восторг от совершения дурного поступка. Она совершала серьезную ошибку и делала это намеренно.

– Живее. – Голос Джоуи был приглушен забралом и тонул в реве мотора. – Почти стемнело.

Она крепко обхватила мотоцикл ногами, а руками вцепилась в плоть и кости его бедер.

От него пахло кожей, машинным маслом, потом и ветром.

Бет вспомнила болтовню с одноклассниками, жаркие телефонные разговоры, неизбежный вопрос: «А ты его любишь?» Этот же вопрос звучал сейчас в ее голове, по-девчачьи звонко и стыдливо. «А ты его любишь, любишь его, любишь?»

Сперва она подумала, что сама мысль об этом была нелепой, даже оскорбительной. Любить Джоуи Коммонера? Эти слова плохо вязались друг с другом. Бет казалось, что любить его совершенно невозможно, это все равно что любить... ну, подвязочную змею, например, или рыболовный магазин, или банку машинного масла. То, что может нравиться только непривередливому мальчишке.

Но это был неполный ответ. Если бы ее на самом деле спросили, честным ответом было бы что-то вроде: «Да, я его люблю... но только время от времени и сама не знаю почему».

Она познакомилась с ним в прошлом году, когда только начала работать в «Севен-Иле-вен» на шоссе. Бет поделила покупателей на пять основных типов: маленькие дети, школьники, семьянины из пригорода, байкеры и «Питы-из-пикапа» – мужики, которые ездили на пикапах со странными прибабасами, трубчатыми рамами, рядами фар, похожих на киношные прожекторы, и, кажется, никогда не снимали кепок. Джоуи не подходил ни под одну из этих категорий, даже под «байкера». Его мотоцикл не был мощным и предназначенным для долгих путешествий, и он не тусовался с другими байкерами. Он всегда приезжал один и закупал еду для перекуса – как правило, ведра мороженого и замороженные пироги, – и почти исключительно по пятницам. Бет уже запомнила, когда его ждать.

В одну из пятниц он поругался с Питом-из-пикапа, который припарковал свою махину впритирку с «ямахой» Джоуи. Мотоцикл не пострадал, в отличие от гордости и самолюбия Джоуи. Он обозвал водителя пикапа «мудаком косоглазым», произнеся эти слова так громко и с такой желчью, что Бет четко услышала их через окно у кассы. Ответ водителя был неразборчивым, но, очевидно, грубым.

С удивлением и интересом Бет наблюдала, как Джоуи бросился на мужика раза в два старше и тяжелее его. Она подумала, что это самоубийство. Парень совсем слетел с катушек. Но он был стремительным, как ураган.

Когда Бет вспомнила о существовании кнопки вызова ночного администратора, поединок уже закончился.

Джоуи, ясное дело, проиграл.

Ее смена закончилась в полночь. Он по-прежнему сидел на разбитом тротуаре. Из расквашенной верхней губы на дорожную пыль капала кровь. В бело-зеленом свете вывески «Севен-Иле-вен» капли выглядели призрачными и неестественными, словно кровь инопланетянина.

Бет сама не знала, зачем остановилась с ним поговорить. Даже тогда это казалось неудачной затеей.

Но, как множество неудачных затей, она привела к серьезным последствиям. Бет остановилась и открыла рот:

– Сегодня без мороженого?

– Видела этого чувака? – Джоуи угрюмо посмотрел на нее.

Бет кивнула.

– Ну и жирный же. – Джоуи передернуло от отвращения. Впоследствии Бет узнала, что это один из пунктиков Джоуи: он терпеть не мог толстых.

– Ага, – ответила Бет. – Жирный. – Она припомнила, что водитель тоже был постоянным клиентом. Его джинсы всегда свисали, приоткрывая щель между ягодицами. – Противный, – добавила она.

Во взгляде Джоуи мелькнула сдержанная признательность.

Позднее Бет поняла, что тем вечером ей открылись обе стороны Джоуи Коммонера. Во-первых, Джоуи-опасный, тот, что назвал здоровенную мясную тушу «мудаком косоглазым» и накинулся на него, как обезумевшая мартишка на носорога. У Джоуи были острые ногти и колени, он был полон ярости, и Бет сперва даже испугалась за здоровяка.

Во-вторых, Джоуи-уязвимый, Джоуи-ребенок. Тот, что истекал кровью на тротуаре.

Бет захотелось по-матерински понянчиться с ним и отдаться ему. От этой комбинации ей почудилось, что тротуар кружится перед глазами.

– Подкинешь меня до дома? – спросила она.

– Чего?

– Подкинь меня, а я тебе раны обработаю. У меня есть пластырь и всякое такое. Я Бет Портер.

– Знаю. – Он забрался на мотоцикл. – Наслышан о тебе.

«Вот облом», – подумала Бет.

Это повторялось регулярно. Она уже привыкла, но слышать такое все равно было больно. Но Джоуи сдвинулся ближе к рулю.

– Залезай, – сказал он. Скрыв удивление, Бет поспешно залезла на мотоцикл и почувствовала между ног крепкое кожаное кресло. – Джоуи Коммонер, – представился парень.

– Привет, Джоуи.

Вжжж!

Этим вечером он вез ее на юг по шоссе, через мост над рекой Литл-Данкан. Свернув с магистрали, он развернулся и помчался к реке через район недостроенных каркасных домов. Наконец он остановился. Бет соскочила с мотоцикла. Джоуи заглушил мотор и покатил железного коня по набережной, спрятав его за бетонными опорами моста.

Здесь почти не было ветра. Бет слышала, как вдоль набережной стрекочут цикады.

Литл-Данкан бежала по каменистому руслу к морю. На юге, за полями, за вышками гидроэлектростанции, огни домов казались недостижимыми, будто там проходила граница цивилизованного мира. Севернее реки росли сорные травы и виднелись грязные парковки придорожных заведений. На востоке река Данкан врезалась в подножие горы Бьюкенен. На западе было кладбище.

Джоуи, как и большинство выпускников старшей школы южного Бьюкенена, знал, что, если проследовать вдоль Литл-Данкан за скалистым склоном, сквозь заросли мокрицы, можно попасть на кладбище Бруксайд после закрытия.

Джоуи достал из пакета баллончик вишневой краски, смял пакет и выбросил его в освещенный луной речной поток.

Бет последовала за ним вдоль берега. Она достаточно хорошо знала Джоуи, чтобы понимать: болтовня окончена. Пришло время двигаться.

Джоуи был для нее вместилищем движений, он и думал-то в основном телом. Ей пришлось постараться, чтобы не отстать от него среди сорняков и камней, по пути к травянистой окраине кладбища. Джоуи двигался с лихорадочной торопливостью. Будь его движения мыслями, они, по мнению Бет, были бы необычными – стремительными, бессвязными, непредсказуемыми.

Может, они были бы снами. Даже Бет эта ночь начала казаться сном. Артефакт висел в небесах, как огромная молодая луна. В этот день он имел слегка желтоватый оттенок, как Луна в день осеннего равноденствия. Артефакт пугал Бет, как и всех, но в то же время внушал ей необъяснимый трепет. Вися у нее над головой, озаряя своим светом коротко подстриженную траву и надгробия, Артефакт олицетворял собой отторжение всего спокойного и безопасного. Люди проживали свои бестолковые жизни в своих дурацких домах, а эта новая луна прилетела для напоминания о том, что они живут на краю бездны. Она лихо закрутила привычную жизнь. Поэтому все ее ненавидели.

Джоуи оторвался от Бет. Он шел под сенью деревьев, поднимаясь к трем каменным мавзолеям, где самые знатные семейства Бьюкенена раньше хоронили своих усопших. Драгоценные тела не зарывали в землю, а укладывали в каменные саркофаги. Бет это казалось вдвойне жутким. Как-то раз жарким весенним вечером она сквозь тонкую щелочку заглянула в один из темных мавзолеев, постройку размером с гараж, на которой была выбита фамилия Йоргенсон. В мавзолее было холодно, как зимой. В лицо ей будто дохнул ледяной воздух.

«Должно быть, там всегда зима», – подумала она и отпрянула с дрожью, с инстинктивным трепетом.

Джоуи, не испытывавший никакого трепета, поднес баллончик с вишневой краской к стене и нажал на клапан.

Он работал быстро. Бет отошла подальше и наблюдала. Подобно машине, печатающей неподдающийся расшифровке код, он изрисовал восточную стену мавзолея невозможной смесью слов и символов. Символы были общеизвестными, но Джоуи как бы делал их своими собственными: свастики, черепа, звезды Давида, кресты, анхи, знаки мира. Бет не знала, что все это значит для него. Может, ничего. Акт чистого, бессмысленного вандализма. Шипение баллончика напоминало шелест листьев на ночном ветру.

Затем он перешел к надгробиям, помчавшись вдоль склона так быстро, что Бет пришлось перейти на бег, иначе она отстала бы. Джоуи перечеркивал имена и даты красными крестами, то и дело останавливаясь, чтобы нарисовать череп или знак вопроса. В свете Артефакта краска на холодных бледных плитах казалась темнее – коричневой или даже черной.

Бет подумала, что для него это как секс. Резкие движения. Эякуляция краски.

Мысль показалась ей забавной, но Бет была ближе к истине, чем думала сама. Когда баллончик опустел, Джоуи метнул его в небо – может быть, метя в Артефакт. Баллончик взлетел высоко и бесшумно упал в траву среди могил. Бет подошла к Джоуи и, когда он обернулся, заметила сквозь его джинсы эрекцию. Она вздрогнула от возбуждения и отвращения одновременно.

Он толкнул ее в траву на границе леса. Она покорно упала. Было поздно, рядом не замечалось никого, а воздух казался пугающе наэлектризованным. С океана дул прохладный ветер, принося густой запах ночи и соли. Бет позволила Джоуи задрать ей юбку. Склонившись над ней, он казался бесформенным, словно нечто, упавшее с небес. Она приподнялась, давая ему стянуть трусики. Он шумно и отрывисто дышал. Его член был твердым и холодным, как сама ночь. Первую минуту было больно. Потом нет.

Этого она от него хотела? Поэтому привязалась к Джоуи Коммонеру, как алкоголик к бутылке?

Нет, не только. Не только этого толчка, краткого забвения и липкого окончания.

Джоуи был опасен.

Она хотела его – не вопреки этому, а именно поэтому.

Эти мысли беспокоили ее, и она позволяла их себе только в минуты спокойствия, которые наступали после секса.

Он натянул штаны и сел рядом с ней. Вдруг устыдившись своей наготы, Бет расправила юбку. Трахаться на кладбище. Боже мой.

Она посмотрела туда же, куда и Джоуи. С холма были видны огни центра Бьюкенена и мерцающая рябь моря.

– Как-нибудь натворим серьезных дел, – сказал Джоуи.

Он часто так говорил. Бет понимала, что он имеет в виду. Что-то действительно опасное. Что-то действительно плохое.

– Мы с тобой, – сказал он, обнимая ее за плечи.

«Он как дикий зверь, – думала Бет. – Дикий жеребец. Мустанг, который позволил тебе объездить его и кататься на нем по ночам. По всяким диким местам. На край обрыва».

Она закрыла глаза и представила. Представила, как скачет на Джоуи-мустанге на вершину крутого известнякового холма. Далеко внизу – пустыня. Ночь полна звезд, как и сейчас. Вокруг ни души, только Бет, ее дикий жеребец и головокружительная бездна.

Она пришпоривает его пятками.

И он прыгает.

Позже они заметили фары маленькой машинки для гольфа, на которой сторож объезжал кладбище по ночам, и сбежали вниз по холму, мимо могил, через заросли мокрицы, к темному оврагу, на дне которого текла река. Бет показалось, что она слышит удивленные возгласы сторожа, обнаружившего изуродованные памятники, – но, вероятно, лишь показалось. Однако мысль позабавила ее, и она рассмеялась.

Джоуи погнал мотоцикл мимо домов со спящими людьми, петляя по извилистым окраинным улочкам Бьюкенена... мимо дома Мириам Флетт, которая повернулась в кровати от шума мотора и дикого хохота Бет Портер и подумала сквозь сон о том, каким чудным стал город в последнее время.

Глава 3. Машины

Джим Бикс был некрасив, как, по слухам, был некрасив президент Линкольн. Исключительно, в величайшей степени.

У него было вытянутое, покрытое оспинами лицо. Его глаза, когда он сосредотачивал все свое внимание, напоминали яйца пашот, уложенные в чашки из кожи и кости. Стрижка ежиком подчеркивала уши, торчавшие на первый взгляд как ручки кувшина, а на второй – как ручки детсадовского горшка или творения гончара, страдающего тремором.

Это лицо не могло скрывать эмоций. Когда Джим Бикс улыбался, вам хотелось улыбнуться в ответ. Когда он усмехался, вам становилось смешно. Мэтт знал, что Джим прекрасно понимал свою бесхитрость и стеснялся ее. Он не играл в покер. Лгал редко и всегда безуспешно. Однажды Мэтт своими глазами видел, как Джим попытался солгать: взял на себя вину за разбитую антикварную статуэтку Лиллиан, прикрывая истинного виновника – их собаку, которую Лиллиан терпеть не могла. Его ложь была такой несвязной, заведомо выдуманной и очевидной для окружающих, что все, включая Лиллиан, расхохотались. Не смеялся только сам Джим. Он раскраснелся и стиснул зубы.

Короче говоря, сложно было представить свидетеля надежнее, чем Джим Бикс. Мэтт держал это в уме, когда слушал рассказ друга. Из уст кого-нибудь другого рассказ прозвучал бы невероятно. Абсурдно. Но из уст Джима...

Доверие – самый осторожный судья – воздержалось от вердикта.

Тем августовским вечером Мэтт открыл дверь в четверть двенадцатого, чтобы впустить своего некрасивого и простодушного друга, который по совместительству был еще и одним из самых дотошных гистологов, встречавшихся Мэтту. Джим согласился выпить кофе и уселся на диван в гостиной. В нем было метр девяносто от пят до торчащих волос, и обычно он выделялся в любом помещении, но тем вечером, как показалось Мэтту, Джим будто сжался, ссутулился, а его лицо обвисло от тяжелых мыслей. Он молча взял чашку с кофе и крепко обхватил ее ладонями.

Мэтт списал это на усталость. В начале года больницу Бьюкенена сертифицировали как региональный центр травматологии. Для администрации новость была хорошей – повышались престиж и финансирование. А вот реакция персонала оказалась смешанной. С одной стороны, они получили все необходимые технические новшества – респираторы, бронхоскопы, новую палату реанимации в педиатрическом отделении. С другой стороны, теперь им предстояло иметь дело с тяжелыми пациентами, которых прежде направляли в Портленд. В отделении гистологии работы прибавилось в разы, а новых сотрудников не появилось. Вот уже два месяца Джим работал сверхурочно, почти до самой ночи. Разумеется, он сильно устал.

Рэйчел уже отправилась спать, шторы были задернуты, и в доме стояла неуютная тишина. Джим откашлялся.

– Как дела у Лиллиан? – спросил Мэтт, скрывая их сегодняшнюю встречу.

– Вроде нормально, – ответил Джим. – Потихоньку. – Он пригладил ежик волос своей лапицей. – Давненько мы вас с Энни не видели.

– Чертов график. Что наш, что ваш. Надеюсь, в пятницу придете?

– Какая еще пятница?

– Эта пятница. У меня вечеринка. Я еще на прошлой неделе предупреждал.

– А, точно. Извини, Мэтт. Да, постараемся быть.

– Выглядишь пришибленным, – заметил Мэтт, и Джим не возразил. – Дело серьезное?

Джим кивнул.

– Тогда выкладывай. И пей свой чертов кофе, пока не остыл.

– В больнице какая-то дрянь творится, – сказал Джим. – Но меня никто не слушает.

По его словам, все случилось очень быстро.

Началось с понедельника. Джим получил пару жалоб от врачей из-за странных результатов анализов крови. Общие анализы, предметное стекло, эритроциты, лейкоциты. У пациентов с подозрением на анемию был чересчур низкий гемоглобин.

Кровь взяли заново, заказали новый анализ, Джим пообещал лично за всем проследить.

– Все было кошерно, я убедился. Но результаты... оказались хуже.

– Намного? – спросил Мэтт.

– Такие цифры нельзя показывать врачу. Что я должен был сказать? «Доктор, извините, но, согласно анализам, ваш пациент мертв»? А пациент в это время сидит у себя дома и смотрит «Дни нашей жизни»⁵. Хуже всего то, что парой образцов дело не ограничилось. Теперь у нас везде такие бредовые результаты. Гематология, гемостаз, иммунологическая реакция, тесты на группу крови. Невозможно проводить анализы. Каждый раз какие-то марсианские цифры.

– Проблема в лаборатории? – предположил Мэтт.

– Что это за проблема, если из-за нее все анализы испорчены? Вот и мне ничего в голову не приходит. Хотя я думал. Я поговорил со старшим ординатором, и мы решили передать самые важные исследования в другие лаборатории, пока не выясним, в чем проблема. Хорошо, мы это сделали. С тех пор прошло два дня. Мы все проверили. Вентиляцию на предмет неизвестных микробов. Качество стерилизации. Возможные замыкания в электросети. Все продезинфицировали. Провели анализ образца цельной крови из морозильника. Показатели в пределах нормы.

– То есть проблема решена?

– Вроде бы. Но у меня остались сомнения. Поэтому мы взяли свежую кровь у абсолютно здорового человека, посчитали тельца, гемоглобин, ретикулоциты, фибриноген плазмы, тромбоциты, сделали одноступенчатый количественный тест...

– И там снова ерунда? – догадался Мэтт.

– Не просто ерунда, – ответил Джим. – Такая дичь, будто мы исследовали стылую колодезную воду.

Мэтт почувствовал испуг, словно чья-то холодная рука погладила его по шее.

Если появилась новая патология и она распространилась настолько, что встречалась во всех анализах крови, проведенных Джимом... почему она не попалась больше никому?

– А что с анализами, которые вы отправили в другие клиники?

– Нам их не вернули. Мы обзвонили частные лаборатории. Говорят, извините, но результаты, кажется, недостоверные. Спрашивают, не были ли образцы повреждены или загрязнены во время перевозки. В это время старшему ординатору звонят из больницы Астории, спрашивают, не заметили ли мы странностей с гемограммами? Потому что они заметили. И в Портленде тоже.

– Господи, – выдохнул Мэтт.

– Так обстоит дело на сегодня. Конечно, все с ума сходят. До центра по контролю за заболеваниями не дозвониться. После обеда я взял еще один свежий образец и сунул под микроскоп – посмотреть, не изменилось ли что-нибудь. Ага. Появились чужеродные тельца, которых я никогда прежде не видел.

Мэтт отставил чашку, которая уже успела остыть у него в руках.

– Чужеродные тельца? Вирусы, что ли? Или бактерии?

⁵ «Дни нашей жизни» – американская мыльная опера, выходящая с 1965 г., один из самых длинных телесериалов в истории (свыше 14 000 серий).

– На стекле похожи на тромбоциты. Примерно того же размера.
– А это точно не тромбоциты? Может, просто деформированные?
– Я не идиот. Они не агрегируют. И окрашены иначе...
– Я не сомневаюсь в твоей компетенции.
– Да ладно, валяй, черт с тобой. Я бы на твоём месте усомнился. Главная странность в том, что ещё вчера этих организмов там не было. То ли они так быстро размножаются, то ли просто прятались.

– Ума не приложу, что это может быть. Другое дело, если бы ты исследовал кровь пациентов с патологиями, но... твои доноры ведь здоровы?

– Насколько я могу судить, ни у кого нет признаков заболевания.

– Как это возможно? Лейкоциты низкие?

– Лейкоцитов вообще нет.

– Бред какой-то.

– Вот и я о том! Это очевидно! Я уже достаточно об этом наслушался. Если тебе нужны разумные объяснения, это не ко мне.

– Получается, что тельца безвредны?

– Ничего подобного я не говорил. В этом я как раз сомневаюсь. Ситуация развивается. Мне страшно, аж оторопь берёт. Знаешь, что ещё я заметил? Похоже, у всех сейчас насморк. Мэтт, у твоих пациентов тоже? Вроде бы ничего серьёзного, но все до одного хлюпают носом. Зайди в людное помещение и пересчитай носовые платки. Загляни в аптеку. Все безрецептурные средства от насморка смели с полок. Мой фармацевт говорит, что даже аспирин почти закончился. Совпадение?

– Боже правый, – произнес Мэтт. – У меня в ванной есть полупустой флакон спрея от насморка.

– Ага, – кивнул Джим. – У меня тоже.

Энни шмыгала носом на работе. Лиллиан тоже. И Бет Портер.

И Рэйчел. Господи, Рэйчел.

Мужчины посмотрели друг на друга, не сказав ни слова, испытывая одни и те же страхи.

– Что тебе нужно от меня? – спросил Мэтт.

– Просто хотел поговорить. Все, с кем я общаюсь в больнице, весь персонал, либо хотят мгновенно найти решение, либо вообще не хотят об этом слышать, и точка. А ещё я хочу выпить. Не этого дрянного кофе.

– Пойду откупорю бутылку, – предложил Мэтт.

– Спасибо. – Джим, показалось, на миг расслабился. – Знаешь, почему я на самом деле пришел к тебе?

– Почему?

– Потому что ты – один из немногих здравомыслящих людей на планете.

– Ты что, уже принял по дороге?

– Я серьёзно. Всегда считал тебя таким. Мэтт Уилер, человек разумный. Вслух не говорил. Но лучше поздно, чем никогда.

«Лучше поздно, чем никогда». Это прозвучало многозначительнее, чем, наверное, предполагал Джим. Мэтт не остановился на пути к бару, но на всякий случай спросил, как можно спокойнее:

– Думаешь, мы все умрем?

– Возможно, – ответил Джим Бикс.

За разговором каждый выпил по несколько стаканов. Они вновь и вновь обсуждали одно и то же, избегая конкретных выводов, выдвигая гипотезы, косвенно проверяя таким образом

степень легковёрности каждого. Дошло до того, что захмелевший и уставший Джим произнес слово «машины».

– Машины? – Мэтт решил, что неправильно понял друга.

– Слышал про нанотехнологии? Сейчас научились перемещать атомы, делать крошечные механизмы, рычажки и прочее.

– У тебя есть повод считать, что эти твои частицы – наномашины?

– Кто знает? С виду на механизмы не похоже, на клетки – тем более. Больше всего напоминает черные подшипники. Ядра нет, митохондрий нет, внутреннюю структуру с больничным оборудованием не рассмотреть. Вот бы посмотреть, что найдут в какой-нибудь продвинутой лаборатории. – Джим слабо улыбнулся. – Шестеренки и рычажки. Зуб даю. Или даже крошечные компьютеры. Миниатюрные субатомные микросхемы, выполняющие алгоритмы с помощью нуклеотидов. Или то, что мы вообще неспособны увидеть. Микросхемы размером меньше электрона. Машины из нейтрино, соединенные глюонами.

Он безраздостоно усмехнулся.

– По-моему, твоими устами вещает Джек Дэниелс, – заметил Мэтт.

– У пьяного есть два преимущества. Во-первых, ты можешь нести чепуху. Во-вторых, говорить очевидные вещи.

– И что тут очевидного?

– То, что все это наверняка связано с непонятной хреновиной в небесах.

«Может быть», – подумал Мэтт. Но на Артефакт уже успели свалить все, начиная с жаркой погоды и заканчивая опрелостями у детей, и он не спешил вставать на эту точку зрения.

– Доказательств нет...

– Я знаю, как выглядят заболевания органического свойства. Тут совсем другая картина. Мэтт, эти штуки не развились за несколько месяцев. Речь идет о паре дней. Можно сказать, о нескольких часах. Да, бактерии размножаются так же быстро. Но будь это бактерии, мы бы все уже померли.

Если это было так...

– Нет, – ответил Мэтт. – Не-а. Не хочу даже думать об этом.

– Не ты один.

– Серьезно. Это слишком страшно. – Он стыдливо уставился в стакан. – Я не отвергаю того, что ты мне рассказал. Но если это связано с Артефактом, если эти штуки уже внутри нас, то это конец. Они получают все, что хотят. Мы бессильны.

Повисла тишина. Затем Джим опустил стакан на журнальный столик и выпрямился:

– Извини, Мэтт. Я поступил дерьмово. Приперся и вывалил на тебя свои проблемы. Нехорошо вышло.

– Предпочитаю испугаться, чем оставаться в неведении, – ответил Мэтт. Час был уже поздний. Разговор перестал клеиться. Мэтт боялся даже взглянуть на часы; утром у него был прием, не подлежащий отмене, что бы ни случилось. – Пора спать.

– Я пойду.

– Ложись на диване, дурень. Или Лиллиан ждет?

– Я сказал ей, что могу заночевать в кабинете.

– Завтра побудь с ней.

Джим кивнул.

Мэтт достал ему одеяло из шкафа в коридоре.

– Значит, мы по уши в дерьме?

– В точку. – Джим растянулся на диване, положил очки на стол и закрыл глаза. Его некрасивое лицо было чересчур бледным. – Мэтт?

– Гм?

– Знаешь, чья это была кровь? Свежий образец, который я исследовал под микроскопом?

– Чья же?

– Моя.

Мэтт не просыпался до звонка будильника, смакуя предрассветный сон, в котором потонул рассказ Джима, оставив от себя лишь неясный след. Когда он проснулся, то сразу почувствовал резкую головную боль и вспомнил ужасы, о которых наслушался вчера.

Утро было ясным, солнечным. Мэтт заставил себя принять душ и оделся. Казалось, одежда была сделана из среднезернистой наждачной бумаги. На кухне Рэйчел готовила яичницу. Мэтт посмотрел на тарелку и ограничился этим.

– Ты не заболел? – спросила дочь.

– Нет.

Хотя, возможно, больны были все.

– У нас на диване дрыхнет доктор Бикс. – Рэйчел шмыгнула носом.

– Ему на работу к полудню. Пускай спит. Ему полезно.

Рэйчел вопросительно посмотрела на отца, но донимать расспросами не стала.

Она свято верила в силу домашнего завтрака и всегда вызывалась готовить сама. Это началось, когда Селеста заболела, и продолжилось после ее смерти, когда Мэтт начал поручать завтраки и ужины «Макдоналдсу» и «Пицце-хат» соответственно. Тогда ему казалось, что приготовление завтрака стало для Рэйчел своего рода ритуалом, с помощью которого она выражала свою скорбь по матери. Теперь это вошло в привычку. Но Рэйчел по-прежнему выполняла эту процедуру со всей серьезностью. Даже больше. С грустью.

С прошлого года эта грусть пропитала всю жизнь Рэйчел и была видна в ее походке, в гардеробе, в печальной музыке, которую она слушала на магнитофоне – рождественском подарке Мэтта. В выпускном классе она вдруг превратилась из отличницы в дежурную хорошистку – ее способность к обучению снизилась из-за беспросветного уныния.

Мэтт поковырял яичницу вилкой, пока Рэйчел переодевалась, и снова увидел ее уже у дверей. Она собиралась встретиться с друзьями в супермаркете.

– Ужин в обычное время? – отстраненно улыбнулась она.

– Давай поужинаем в ресторане, – ответил Мэтт. – В «Дос агилас» или «Золотом лотосе».

Рэйчел кивнула.

– Я люблю тебя, – сказал он. Он часто говорил ей это. На сей раз вышло неуклюже и бестолково.

– И я тебя, папа, – ответила дочь, бросив на него любопытствующий взгляд, и снова улыбнулась.

Улыбка была невеселой и как бы вопрошала: «Разве все так плохо?»

Мэтт решил, что лучше обойтись без слов, и выдавил ответную улыбку – смелую, но неубедительную: «Да, Рэйчел. Плохо – не то слово».

Глава 4. Заголовки

СЛУХИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕРЕВОРОТЕ ОПРОВЕРГНУТЫ

Сегодня представители Белого дома и спикер Комитета начальников штабов выступили с опровержением слухов о готовящемся в стране военном перевороте.

Беспокойство было вызвано необъявленными маневрами воздушных и наземных батальонов в непосредственной близости от Вашингтона. В начале недели оно усилилось после публикации в «Вашингтон пост» документа, якобы полученного в результате утечки данных из кабинета генерала воздушных сил Роберта Осмонда.

В ответ на вопрос, коснется ли президент этих событий в ходе пятничного обращения к нации, пресс-секретарь Белого дома заявила, что тема не нуждается в дальнейших комментариях.

ВАНДАЛИЗМ НА КЛАДБИЩЕ БРУКСАЙД

Полиция расследует масштабный акт вандализма, совершенный прошлой ночью на кладбище Бруксайд.

Предположительно, вандалы проникли на территорию кладбища ночью и испортили краской несколько памятников. Среди оставленных ими изображений обнаружены свастика и черепа.

Директор кладбища Уильям Спанг сообщил «Обсерверу», что очистка памятников обойдется «очень дорого» и займет по меньшей мере неделю.

Начальник полиции Теренс Маккенна признал, что найти виновных будет нелегко.

«Такие поступки обычно совершают подростки», – заявил Маккенна.

В полиции рассматривают возможность проведения в местных школах мероприятий по разъяснению неприемлемости вандализма.

Мотивы преступления неизвестны.

«ТАЙВАНЬСКИЙ ГРИПП» ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ

По сообщениям Центров по контролю заболеваний в Атланте, в стране идет эпидемия гриппа.

Случаи так называемого тайваньского гриппа отмечены во всех штатах.

Болезнь вызывается неагрессивным штаммом обычного гриппа и считается неопасной.

«Просто запаситесь бумажными платочками», – рекомендовал представитель агентства.

Глава 5. Вашингтон

Когда министр обороны вошел в Овальный кабинет, президент сидел в спокойной, гармоничной позе – локти на столе, пальцы сцеплены под подбородком.

– Хорошо выглядишь, Чарли, – сказал он.

– Вы тоже, сэр, – ответил Чарльз Этуотер Бойл... как показалось президенту, с ноткой искреннего удивления.

Вообще-то, Чарли Бойл выглядел отнюдь не хорошо. На щеках алели пятна, как будто при легкой температуре – она у него и в самом деле была. И он явно нервничал из-за этой вечерней встречи, на которую его, без всяких объяснений, вызвал президент. Чарли Бойл прошел через два оплота невозмутимости – Корпус морской пехоты и банковский сектор – и соблюдал политический баланс, по крайней мере до сих пор, столь же умело, как любой другой член кабинета. Однако внешняя отрешенность лишь подчеркивала внутреннюю борьбу. Привычно холодные голубые глаза то и дело метались налево, будто он искал подсказки у невидимого суфлера. Или мечтал, чтобы этот суфлер там был.

«Вопрос в том, кого он боится, – подумал президент. – Меня или своих ненадежных соратников по заговору?»

– Чарли, – начал президент, – я хочу обсудить твой переворот.

К его чести, министр обороны даже не моргнул.

– Сэр? – спокойно переспросил Чарли.

– Садись, – сказал президент. Чарли сел. – Я не должен называть это «твоим» переворотом. Мне известно, что твоя роль в нем не определена. И я не жду, что ты охотно признаешься в заговоре против гражданских властей. Это генерал Чейфи внушил тебе, что ты можешь стать временным президентом? Член кабинета, гражданский – идеальный лидер. «Военная хунта» для них звучит плохо, а ты бы добавил им легитимности. – Президент положил руки на стол и наклонился вперед. Жест был агрессивным, империалистическим. – Честно говоря, Чарли, мои осведомители не знают, что ты ответил. Знают лишь, что предложение было сделано. И что генерал Чейфи с улыбкой пожал тебе руку.

– Для протокола, – ответил Чарли Бойл, – я все это отрицаю.

– Принято к сведению. Но к делу не относится. Твоя лояльность под сомнением, но это несущественно.

Министр обороны нахмурился. Президент подумал, что он не может решить, обижаться на эти слова или нет. В то же время ему было любопытно.

– В таком случае, – сухо произнес Чарли, – зачем эта встреча?

– Да, поздновато для встреч, – признал президент. – Ты бы предпочел быть дома с Эвелин и детьми. Я тебя не виню. Но в такие времена позволительно задерживаться на работе. – Он постучал по столу перьевой ручкой, и Чарли напрягся. – Я знаю тебя пять лет, я изучил весь твой карьерный путь. Чарли, знаешь, я ведь считал, что твое назначение – самый удачный выбор, если говорить о министрах. Не думаю, что ты подлец, нет. Просто твоя лояльность пошатнулась. Далеко я от истины?

– Вы просите, чтобы я признал то, чего признать не могу. Для протокола: я отрицаю любые подозрения.

– Забудь о протоколе. Нет никакого протокола. Мы разговариваем *in camera*⁶.

– Думаєте, я поверю?

⁶ Конфиденциально, при закрытых дверях (*лат.*).

– Думаю, тебе неплохо бы прислушаться, – сказал президент, теперь уже более резко. Было общеизвестно, что Чарли Бойл всецело признает авторитет начальства. Вся его жизнь была гимном авторитету: он признавал его, уважал его, приобретал его.

«Я знаю тебя как облупленного, – подумал президент. – Знаю, что ты из бедной деревенской семьи, знаю, что такое попасть в морпехи для парня без роду без племени».

Это был не просто шаг вверх на лестнице общественного уважения, хотя и он тоже. Старые тотемы не утратили волшебной силы. Даже если, по мнению Чарли, человека, занимавшего должность президента, было легко заменить, сама эта должность, идея этой должности, пост Верховного главнокомандующего имели немалое символическое значение.

«И до поры до времени, – подумал президент, – все это в моем распоряжении».

Он тщательно подбирал слова.

– Я хочу, чтобы ты понял: ваши усилия напрасны. Хуже того, обречены на провал. Я хочу, чтобы ты понял: в стране хватает заслуженных людей, будь то военные или гражданские, и это не только те, кого выдвигает Комитет начальников штабов. Правительство по-прежнему пользуется мощной поддержкой. Ваш бунт встретит сопротивление и не пройдет бескровно. Стоит оно того?

Чарли Бойл некоторое время сидел молча.

– Говорят, что вы вступили в контакт с Артефактом, – начал он осторожно. – Говорят, вы скрываете факты. Еще ходят слухи о некой болезни. Центры по контролю заболеваний отмалчиваются с прошлой недели. Молчите вы, молчат представители Национального центра исследования здоровья, все молчат.

– Может, я кое-что скрываю. Может, я собираюсь об этом рассказать, когда придет время. Это мое исключительное право.

– Черт, вы же не сказали ни слова членам кабинета. И вашим секретарям, и Комитету национальной безопасности...

– Это тебя удивляет с учетом обстановки?

– Люди хотят знать, кто на самом деле управляет страной.

– Черт побери, Чарли, управляю я!

– На этот счет есть сомнения. В народе вас уже зачислили в пятую колонну.

– Люди, которым не хватает власти, склонны делать необдуманные заявления. Политические кампании невозможны без лжи. Военные перевороты – тоже.

– Вы могли бы развеять эти слухи.

– Через два дня я выступаю с обращением к нации. Этого недостаточно?

– Пожалуй, нет. – Чувствуя, что из него и так вытянули чересчур много безмолвных признаний, Чарли сидел в кресле скованно, как оскорбленный пуританин. – Итак, вы признаете, что вам кое-что известно.

– Именно. Мне известно, когда люди мне не подчиняются. И я знаю, как на это реагировать.

– Сэр, у вас не осталось союзников. – Чарли дрогнул, но не сменил гневный взгляд на более милостивый.

– Ты готов за это поручиться? – Ответа не последовало. – Я понимаю, что происходит, так и скажи им. Это задание для тебя, Чарли. Передай генералу Чейфи, генералу Вайсману и всей пентагонской шайке, что их планы давно изучены в этом кабинете. Скажи им, что без кровопролития они ничего не добьются. – Президент посмотрел министру обороны в глаза и не отвел взгляда. – Ты почти всю жизнь служил верой и правдой на благо страны. Хочешь, чтобы она погрязла в гражданской войне? Хочешь стать новым Джефферсоном Дэвисом... и кончить, как он? – (Министр обороны раскрыл рот и тут же закрыл.) – Передай генералу Чейфи... – это было самым сложным, – передай ему, что время для переговоров еще не прошло. Но насилие столкнется с ответным насилием. И еще, Чарли.

– Сэр?

– Спасибо, что уделил мне время.

Число тайных агентов в Белом доме было удвоено. Президент сомневался в том, стоило ли это делать. Слишком много незнакомых лиц, что само по себе порождало риски. Ощущение кризиса усиливалось еще больше, но избежать этого было, вероятно, нельзя. Он вспомнил Линкольна, прибывшего на инаугурацию замаскированным, в то время как вокруг Капитолия были размещены снайперы. Да, ситуация скверная, но бывало и хуже. Однако нельзя было отрицать, что ничего настолько же необычного раньше не случалось.

Из того, что он наговорил Чарли Бойлу, многое было блефом, и генералы наверняка его раскусили; однако этого, вероятно, хватило бы, чтобы посеять зерна сомнений в определенных кругах. Ему нужна была отсрочка, а не развязка. Ближайшим дням предстояло стать решающими. Было бы весьма прискорбно, если бы внутренние склоки привели к ненужному кровопролитию, ведь утраченные жизни... уже не вернуть.

В этом случае президент отдал бы необходимые приказы и добровольно покинул кабинет, чтобы избежать лишних потерь. Но некоторые намеревались сражаться, несмотря ни на что, из лучших побуждений и, сражаясь, неминуемо погибли бы без шансов на воскрешение.

«Нам приходится решать совсем не те проблемы, которых мы ожидали», – подумал президент.

Он не считал себя подходящим человеком, чтобы решать нынешнюю проблему. Его карьера была чрезвычайно успешной, но в целом вполне ординарной. Вырос в семье новоанглийских политиков, с детства готовился к государственной службе, окончил Гарвард с дипломом юриста, обзавелся надежными связями и обладал энергией, достаточной, чтобы осветить жилой квартал. Но его амбиции росли; терпения ему было не занимать. Он грациозно поднялся по иерархической лестнице Демократической партии, завел больше друзей, чем нажил врагов. Для начала он выдвинулся в сенат от родного штата, победив конкурента-республиканца с таким преимуществом, что партия всерьез задумалась о его президентских перспективах. Но он не спешил. Он старался заручиться поддержкой партийных боссов, нефтяных и промышленных магнатов, юристов.

На своих первых праймериз он уступил совсем чуть-чуть, но с лихвой отыгрался через четыре года. Западные нефтяные активы ускользнули из рук зазевавшихся республиканцев, а Юг, пострадавший от перемещения производств в Мексику, вернулся в лоно Демократической партии. А когда дело доходит до голосования, многое зависит от личности. Президент был открытым человеком, не стеснялся толпы, неизменно выглядел жизнерадостным и обладал превосходным чувством юмора. Его противник был до нездорового тощим, чопорным и весьма рассеянным. Теледебаты превратились в избиение; от последнего эфира из трех республиканцы даже попытались отказаться.

В ночь после выборов не было никакой интриги. Он с удовольствием смотрел, как ведущие Си-эн-эн подбирали новые слова, преподнося очевидные новости о том, что господству республиканцев в Белом доме пришел конец.

Затем на орбите появился Артефакт, и все прочие заботы отступили перед необъяснимым явлением. Большую часть времени президент пытался разобраться с этим. Разумеется, безрезультатно. Проблема нельзя было решить. Но с ее побочными эффектами – политической нестабильностью, падением морального духа граждан – можно было бороться. Он чувствовал, что добился успеха в этом отношении. Сделал что-то хорошее – удивительное событие для политика двадцатого века! Это так по-викториански. Он смело взял быка за рога, когда тот подвернулся ему.

У него еще оставалась возможность кого-нибудь спасти, и, возможно, беседа с Чарли Бойлом способствовала этому. Ближайшим дням предстояло стать определяющими.

«Посмотрим», – подумал он.

А вот дальше...

Дальше наступал новый мир.

Он представил, хоть и смутно, контуры будущего. В нем не было места монархам, завоевателям, аристократам, даже парламентам, конгрессам и президентам.

Когда он вошел в спальню, Элизабет читала книгу.

– Как прошло? – сонно спросила она.

Президент начал раздеваться.

– Ты же знаешь Чарли. Упрям как баран. Не слишком дальновиден. Прежде всего думает о собственной шкуре. Но теперь, думаю, он станет осторожнее.

– Это достаточно хорошо?

– Это хорошо. – Президент пожал плечами. – А достаточно ли – другой вопрос.

– Бедный Чарли. Он просто не понимает.

– Нам повезло, – напомнил президент жене. – К нам обратились раньше других. Мы избранные. – Тут ему в голову пришла любопытная мысль. – Мы – последние аристократы в этом мире.

– Пожалуй. Но если бы Чарли и генерал Чейфи были на нашей стороне...

– Они к этому придут. Хотя насчет Чейфи я не уверен. Может и отказаться.

– Побystрее бы.

– Быстрее некуда. Надеюсь, удастся избежать жертв. Об этом будут сожалеть даже генералы.

– Они не понимают, против чего борются. Это ведь смерть самой Смерти.

Президент улегся рядом с женой. Он взял с собой тонкую папку, утренний доклад разведки с пометкой «Только для президента», и собирался перечитать – но зачем? Он взял жену за руку и выключил свет.

Когда он женился на Элизабет Боннер, та была подтянутой, привлекательной женщиной из богатой восточной семьи. Спустя тридцать лет она донельзя разжирела. В ходе кампании нередко раздавались шутки в ее адрес, злые, жестокие шутки. Но Элизабет не обращала внимания. Она не придавала значения таким пустякам. Самого президента они задевали, но несильно. Задевали потому, что он любил ее, а не потому, что его смущали габариты жены. Он знал ее секрет – она набирала вес параллельно с мудростью; это был вес их брака, крепкого и надежного союза.

Простыня приятно холодила тело.

– Смерть самой Смерти, – повторил он. – Занятная мысль.

– Но ведь так и есть, – ответила Элизабет.

Эта мысль успокаивала. Разумеется, так оно и было. Хочешь подобрать чему-то лучшее определение – спроси Элизабет.

«И безвластна смерть остается»⁷. Откуда это? Из Библии? Из Теннисона? Он не мог вспомнить.

«Как бы то ни было, – подумал президент, – время пришло».

⁷ Цитируется одно из самых известных стихотворений валлийского поэта Дилана Томаса. Перевод В. Бетаки.

Глава 6. Болезнь

Мэтт стал врачом, соблазнившись самой идеей исцеления.

Десятки телесериалов и кинофильмов убедили его, что в основе медицины лежит исцеление. Ему удалось пронести свои хрупкие убеждения через медицинский колледж, а вот интернатуру они не пережили. Интернатура крепко вколотила в него непреложный факт: врачебная работа неразрывно связана со смертью. В лучшем случае с ее откладыванием. Зачастую – с ее облегчением. И всегда – с ее неизбежностью. Смерть – серый кардинал, скрывающийся за символом кадуцея. Люди платили врачам за лечение. Но боялись их из-за смерти.

Вопреки мифам, с получением медицинского диплома ты не становился эмоционально неуязвимым. Даже врачи, в том числе весьма успешные, боялись смерти. Боялись и избегали ее. Иногда невротически. Во время стажировки Мэтту встретился онколог, который ненавидел своих пациентов. Хороший врач, бдительный профессионал, он, оказываясь вместе с коллегами в кафетерии или баре, неустанно обвинял людей в слабости: «Из всех сил стараются, чтобы у них развился рак. Ленятся, жрут как не в себя, курят, напиваются, валяются голыми на палящем солнце. А потом тащат свои истерзанные тела ко мне. „Вылечите меня, доктор“. От этого тошнит».

– Может, им просто не повезло, – вставил как-то Мэтт. – По крайней мере, кому-то из них?

– Чем больше вы проработаете рядом со мной, доктор Уилер, тем меньше будете склонны в это верить.

Может быть. Такое презрительное отношение было необоснованным, но свою роль выполняло на ура. Оно держало смерть на расстоянии. Стоит приоткрыть сочувствию дверь, хоть чуть-чуть, как в нее тут же вломится сожаление.

Но Мэтт так и не проникся этим отношением, что помогло ему уйти в семейную практику. В повседневной работе редко встречалось что-нибудь тяжелее свинки, кори, поверхностных ран и инфекций, которые можно было победить антибиотиками. Другими словами, он занимался исцелением. Совершал маленькие добрые дела. Играл эпизодические роли в повседневных людских драмах, изображая хорошего парня, а не ангела смерти, охраняющего врата забвения.

Как правило.

Но Синди Ри умирала, и он ничего не мог с этим поделать.

Он сказал родителям Синди, что заглянет проведать их дочь в пятницу утром.

Дэвид Ри работал на погрузчике на фабрике к югу от города. Его родителями были корейские иммигранты, жившие в Портленде. Он женился на прелестной девушке из Бьюкенена по имени Эллен Дрю, и двенадцать лет назад Эллен подарила ему дочь Синди.

Синди, хрупкая и худая, лишь отдаленно напоминала отца. У нее были большие загадочные карие глаза. Она страдала от нейробластомы, рака нервной системы.

Осенью она упала по дороге в школу. Поднялась, стряхнула листья с кофты, пошла дальше. Через неделю упала снова. И еще через неделю. Затем стала падать дважды в неделю. Потом дважды в день. Наконец, мать привела ее к Мэтту.

Он обнаружил серьезные аномалии в рефлексах и отек зрительного нерва, сказал миссис Ри, что точный диагноз поставить не может, и направил Синди в больницу к неврологу. Уже тогда он подозревал худшее. В лучшем случае – операбельную доброкачественную опухоль мозга. Все прочие варианты были нехорошими.

Пока она сдавала анализы, Мэтт наблюдал ее. Синди с почти сверхъестественным терпением переносила все обязательные неприятные процедуры. Мэтт гадал, откуда только берутся

такие люди, безусловно добрые и порядочные, ни на что не жалующиеся, такие, что даже суровые медсестры плачут в коридоре.

Когда невролог поставил диагноз «нейробластома», Мэтт был с семьей Ри. Дэвид и Эллен слушали, ожесточенно и внимательно, как специалист объясняет плюсы и минусы, преимущества и недостатки химиотерапии.

– Она вылечится? – таков был первый вопрос Дэвида.

– С помощью химиотерапии можно продлить ее жизнь. Возможно, добиться ремиссии. Слово «вылечить» мы не употребляем. Даже при самом благоприятном развитии событий за девочкой нужно будет установить строгий врачебный контроль.

Дэвид Ри кивнул, не в знак согласия, а от осознания неизбежного. Его дочь может не выздороветь. Может умереть.

«Лучше б я был водопроводчиком, – подумал Мэтт. – Электриком, бухгалтером, господи, да кем угодно, только бы не находиться в тот момент в том кабинете».

Когда Эллен с мужем уходили, он не мог смотреть ей в глаза. Боялся, что она увидит, как он жалок и беспомощен.

Поначалу химиотерапия дала результат. Синди потеряла много волос, но вновь обрела координацию движений, и ее выписали домой – изрядно похудевшую, но смотрящую в будущее с надеждой.

Спустя полгода она вернулась в больницу. Изначально неоперабельная опухоль распространилась. У Синди затруднилась речь, нарушилось периферическое зрение. Мэтт собрал больничных специалистов: наверняка можно было произвести хоть какую-нибудь операцию... Но злокачественная опухоль слишком глубоко укоренилась в мозгу. Снимки давали четкую, беспощадную картину. После хирургического вмешательства, если бы на него кто-нибудь решился, девочка осталась бы немой и слепой, а может, вообще превратилась бы в овощ.

Теперь она лежала дома и умирала. Ри это понимали. В какой-то степени прогноз был утешительным: Синди в достаточной мере сохранила двигательные функции, чтобы находиться дома, и, если повезет, не окончит свои дни в белой реанимационной палате. Спустя некоторое время она ослепла и могла произносить только простые слова, но Эллен Ри продолжала ухаживать за дочерью с непоколебимым героизмом, перед которым Мэтт преклонялся.

Он пообещал зайти сегодня утром, но задача была не из приятных. Сложно было не переживать за Синди Ри, не презирать болезнь, терзавшую ее до смерти. Мэтт умел приводить свой разум в состояние, которое называл «врач-машина», откладывая эмоции на потом... но даже в лучшие времена это давалось ему с трудом, а этим утром он был возбужден и рассеян. Проглотив сосудосуживающую таблетку, он в мрачном настроении поехал к Ри.

Его по-прежнему мучило то, что он услышал от Джима Бикса. Новости лежали на его плечах камнем, тяжким грузом, от которого нельзя было так просто избавиться. Джим верил в то, что говорил, но, возможно, ошибался. Или спятил. Или это действительно было началом конца... и тогда, какой бы гадкой ни была эта мысль, Синди Ри повезло.

Он припарковался у скромного двухкомнатного домика Ри. Дверь открыла Эллен. На ней было желтое домашнее платье, волосы были завязаны и отброшены назад. Пахло чистящим средством с ароматом сосны, на ковре бравым часовым стоял старый пылесос. Мэтт привык, что в домах, где есть умирающие, к уборке либо подходят чересчур ответственно, либо забывают о ней вовсе. Эллен Ри прибиралась фанатично. За последние месяцы Мэтт видел ее без передника всего пару раз.

Но она улыбалась.

«Странно», – подумал Мэтт. В доме работало радио. Играла бодрая попсовая музыка.

– Заходи, Мэтт, – пригласила Эллен.

Он вошел. В доме было светлее, чем обычно; Эллен открыла все жалюзи и распахнула шторы. Летний утренний бриз развеял запах антисептика, и с заднего двора доносился нежный аромат роз.

– Извини за бардак, – сказала Эллен. – Я еще не закончила уборку. Совсем забыла, что ты собирался заехать.

Она шмыгнула носом и высморкалась в салфетку.

«Тайваньский грипп, – подумал Мэтт. – Кажется, так его называли в газетах?»

– Могу заглянуть в другой раз, – сказал он.

– Нет, прошу тебя, заходи. – Улыбка не сползала с ее лица.

По-научному такое поведение называлось «отрицанием». А может, это был ее способ смириться с неизбежным. Продолжать жить как ни в чем не бывало и с улыбкой принимать гостя. Нововведение в этиологии горя Эллен Ри. Но Мэтту показалось, что она изменилась внешне. Будто ее почти ничто не тяготило. Возможно ли такое?

– Дэвид дома?

– С утра уехал на фабрику. Будешь кофе?

– Нет. Спасибо, Эллен. – Он взглянул в сторону комнаты Синди. – Как она сегодня?

– Лучше, – ответила Эллен. Мэтт удивился – видимо, так, что это бросалось в глаза. – Я серьезно! Ей гораздо лучше. Спроси сам.

Шутка была неудачной.

– Эллен...

Ее улыбка стала мягче. Она дотронулась до его руки:

– Мэтт, зайди к ней. Посмотри.

Синди сидела на кровати, что само по себе было чудом. Первой мыслью изумленного Мэтта было: «Она действительно выглядит лучше». Девочка по-прежнему была невероятно истощенной, хрупкой – кожа да кости, как обычно бывает у умирающих раковых больных. Но ее глаза были ясными и широко раскрытыми. Когда Мэтт навещал ее в прошлый раз, она, кажется, даже не узнала его.

– Привет! – сказал Мэтт, ставя медицинскую сумку на прикроватный столик. Он всегда говорил с Синди, хотя невролог утверждал, что та уже ничего не понимает. Доброжелательный тон его голоса мог успокоить ее. – Пришел проверить, как твои дела.

– Спасибо, доктор Уилер, – моргнув, ответила Синди. – Все хорошо.

– Ты как будто привидение увидел, – сказала Эллен, когда он вышел из спальни девочки. – Давай присядь.

Он сел за кухонный стол. Эллен налила ему стакан лимонада.

– Я же сказала, что ей лучше, – заметила Эллен.

Мэтт никак не мог собраться с мыслями.

– Она говорит, – произнес он. – Мыслит здраво. Понимает, что я ей говорю. Она еще слаба, ее лихорадит, но, кажется, она даже чуть-чуть поправилась. – Он взглянул на Эллен. – Это невозможно.

– Это чудо, – твердо заявила Эллен. – По крайней мере, я в это верю. – Она усмехнулась. – У меня самой небольшая температура.

– Эллен, послушай. Я рад. Счастлив, что так произошло. Но я не понимаю почему.

Он действительно не понимал. Да, случались ремиссии. Однажды ему попался пациент с раком легкого, у которого наступила «чудесная» ремиссия. Но с Синди все обстояло иначе. Ткань мозга была частично уничтожена. Даже если бы опухоли чудесным образом исчезли, речь не должна была вернуться. Отвечавшей за нее части мозга больше не существовало. Даже без опухолей девочка должна была выглядеть так, словно пережила тяжелый инсульт. Какие-

то способности могли вернуться к ней, но полное восстановление – нет, невозможно... То, что он увидел в ее комнате, было невозможно.

Он не стал говорить об этом Эллен.

– Я хочу быть уверен, – сказал он вместо того. – Пускай ее обследуют в больнице.

Впервые за утро Эллен нахмурилась:

– Может быть, когда она окрепнет. Не знаю, Мэтт. Не хочу снова подвергать ее всем этим процедурам.

– А я не хочу тешить нас ложными надеждами.

– Думаешь, ей снова станет хуже? – Эллен помотала головой. – Нет. Не могу сказать почему, но я знаю. Болезнь ушла, доктор Уилер.

Он не нашел в себе сил спорить.

– Надеюсь, ты права. Синди тоже сказала нечто подобное.

– Правда?

Девочка говорила неторопливо, словно это все еще давалось ей с невероятным трудом, но произносила слова четко и грамотно.

– Бедный доктор Уилер, – сказала истощенная девочка. – С такими, как мы, у вас скоро не будет работы.

Каким бы удивительным ни было это происшествие, еще удивительнее было другое: стоило Мэтту покинуть дом Ри, как он перестал о нем думать.

Он поехал в центр по Променад-стрит. Дорога изгибалась параллельно береговой линии. Движение не было оживленным. Ехать было приятно; сбоку под пологом перистых облаков раскинулся спокойный синий океан. Типичный жаркий августовский полдень, когда все неподвижно.

Бьюкенен заразил Мэтта своей удивительной безмятежностью. Мэтт списал все на температуру – бессодержательное спокойствие города и свое собственное, – но затем задумался.

«Что, если Джим прав? – подумал он. – Мы все заражены. У нас в крови машины. Это что-то вроде чумы. Тайваньский грипп... разве ему он не снился?»

Но эти мысли быстро спрятались под глянцевой поверхностью дня.

Оказалось, что Джилл – администратор клиники – не вышла на работу по болезни. Энни была на месте и принимала звонки, большинство которых касались отмены назначенных визитов. Она положила трубку и на час перевела входящие звонки на автоматическую службу, чтобы пообедать. Мэтт принес еды из кафе на первом этаже, где тоже не хватало работников. Салаты в пластиковых контейнерах и сэндвичи из белого хлеба с ветчиной. Энни Гейтс взяла свою порцию. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль.

– Странный день, – задумчиво произнесла она.

Мэтт рассказал ей о Синди Ри, но рассказ вышел поверхностным – никак не получалось говорить по существу.

Энни нахмурилась. Лоб пересекла морщинка, губы поджались. Она пыталась уложить в голове услышанное, но столкнулась с внутренним сопротивлением.

– Может, поэтому все отменяют визиты. Им всем... лучше?

«Бедный доктор Уилер. С такими, как мы, у вас скоро не будет работы».

«Или не лучше, – подумал Мэтт. – Или хуже».

Он пересказал Энни все, что Джим Бикс сообщил о чужеродных телах в образцах крови, включая его собственную. Изначально он не собирался этого делать, по крайней мере не сразу, – не хотел лишний раз волновать Энни. Но та понимающе кивнула:

– Я слышала об этом в больнице. Обедала с медсестрой из лаборатории. Она до смерти напугана. Услышав ее рассказ, я тоже перепугалась и позвонила знакомому гематологу в Дал-

лас, где стажировалась. Сначала он не хотел говорить, но, когда я пересказала то, что сообщила медсестра, он все подтвердил.

«Выходит, мы скрывали это друг от друга, – подумал Мэтт. – Как у О. Генри. Сколько еще людей посвящены в эту тайну?»

– Значит, такое не только у нас.

– Нет. Удивлен?

– Нет.

– В Центре по контролю заболеваний наверняка узнали об этом не позднее Джима Бикса. – Энни глотнула пепси. – Наверняка туго затянули гайки. В газетах ни намек. Видимо, не хотят лишний раз пугать народ. Болезнь проходит бессимптомно, карантин вводить нет смысла, потому что все уже больны, – так зачем наводить панику?

– Вряд ли у них получится долго держать это в секрете.

– Может, и не придется.

Мэтт словно окутало болезненное спокойствие. Часть его вела вполне обстоятельный диалог; другая часть оказалась изолирована и молча, со страхом слушала Энни. Энни озвучивала то, о чем сам Мэтт боялся подумать.

– Если это целенаправленное заражение, а я думаю, что так и есть, – отстраненно, словно витая в облаках, продолжила она, – мы все очень скоро увидим последствия.

– С чего ты взяла, что оно целенаправленное? – Мэтт с прищуром посмотрел на нее.

– Интуиция. – Энни пожала плечами. – А тебе так не кажется?

На этот вопрос ему отвечать не хотелось.

– Энни, можно вопрос? Ты сказала, что испугалась, услышав об этом от подруги.

– Да.

– А теперь не боишься?

Она нахмурилась еще сильнее:

– Нет... теперь не боюсь.

– Почему?

– Не знаю, Мэтт. – Она отвлеклась от остатков обеда и бросила на Мэтта серьезный взгляд. – Не могу объяснить.

Весь вечер он сортировал бумаги и принял лишь одного пациента: тридцатилетнюю домохозяйку, которая хотела проверить давление. Да, она соблюдала диету. Да, она принимала предписанные лекарства.

Ее давление было эталонным, 120 на 80, несмотря на небольшую температуру. Пациентка выглядела рассеянной, но, уходя, улыбнулась: «Спасибо, доктор Уилер».

Мэтт подкатил кресло к окну и принялся следить, как свет и тень отмечали ход времени снаружи.

«Нас усыпляют».

Город дремал. Любое движение было обособленным, единичным. По шоссе, как в замедленной съемке, ползла машина. Из дешевой парикмахерской, обслуживавшей как мужчин, так и женщин, вышел пожилой человек в расстегнутой на две пуговицы рубашке. Его пиджак был переброшен через плечо. Мужчина остановился, провел костлявой рукой по короткому ежику волос. Солнечные блики мелькали на ветровых стеклах автомобилей, асфальт плавился, с далекого пустынного океана напозвала дымка.

«Мне должно быть страшно, – думал Мэтт. – Но я не боюсь. От этого тоже должно быть страшно. Но нет».

Усыпление. Как еще назвать этот клинический покой? Нам надо бы кричать. Бесноваться от гнева. Протестовать против бесцеремонного вмешательства в нашу жизнь. Потому что это...

Что?

Конец света?

«Да, – подумал Мэтт. – Похоже на конец света. Вероятно, это он и есть».

В три часа курьер из частной лаборатории на третьем этаже принес папку с результатами анализов. Анализы крови были ненадежными, а вот обнаружить в моче гонадотропин удалось. Мэтт быстро просмотрел медицинскую карту и позвонил Лиллиан Бикс, подтвердив, что она беременна.

В четыре они закрыли пустые кабинеты.

– Я пришла пешком, – сказала Энни. – Может, подвезешь к себе?

Мэтт не сразу понял, о чем речь.

– Ты что, забыл о собственной вечеринке?

Он чуть не расхохотался. Теперь идея казалась ему бредовой. Какую вечеринку он мог устроить? Подать всем соленых орешков и поставить «Ближе, Господь, к Тебе»?⁸

– Ничего страшного, – улыбнулась Энни. – Несколько приглашенных позвонили утром в клинику и сказали, что не придут. Посмотри в своем блокноте. Кто-то наверняка звонил тебе домой. Можешь все отменить... а я поужинаю в ресторане.

– Нет. – Он помотал головой. – Энни, поехали ко мне. Но вряд ли там будет кто-нибудь, кроме нас.

– Ну и ладно.

– Праздновать нечего.

– Ну и ладно. Просто выпьем. Посмотрим на ночные огни.

– Звучит отлично, – ответил Мэтт.

Слова Энни о вечеринке оказались верны. Не пришел никто – большинство по причине простуды, – кроме Джима и Лиллиан Бикс, которые принесли бутылку вина.

Настроение было далеким от праздничного, хотя Лиллиан уже успела сообщить Джиму о беременности, а тот объявил об этом Энни. По немного растерянному виду друзей Мэтт понял, что они чувствуют себя так же, как и он: их как будто отгородили от текущих странных событий. «Как на столе пациент под эфиром»⁹ – Т. С. Элиот, если Мэтт правильно помнил. Фраза звучала в голове все время, пока они вчетвером копошились на кухне, сооружая импровизированный ужин. Рэйчел смотрела новости в соседней комнате. Она сказала, что президент отменил вечернее обращение, но, не считая этого, в Вашингтоне спокойно.

Чуть позже Мэтт отключил кондиционер, и взрослые собрались на веранде. Поставили шезлонги, разлили вино по бокалам с длинными ножками. Солнце почти скрылось за горизонтом; на небе появились первые звезды. Бриз покачивал высокие пихты в конце двора. Мэтт прислушался к закатному шороху ветвей, тихому, как шелест женской юбки.

– Боже, – выдохнул он, – как... тихо.

– Как там говорят в кино? – шутливо произнес Джим. – Слишком тихо?

– Серьезно, – ответил Мэтт. – Прислушайся. Слышно, как качаются деревья.

Они все склонили головы и прислушались.

– Слышу лягушек, – удивленно заметила Энни. – Наверное, с реки. Ничего себе! Это же на другом конце долины.

– И еще что-то звенит, – добавила Лиллиан. – Точно! Флагшток у начальной школы! Иногда я хожу мимо. Когда дует ветер, веревка бьется о столб. Как колокол.

Мэтт тоже услышал отдаленный неритмичный звон.

⁸ «Ближе, Господь, к Тебе» – христианский гимн, иногда исполняющийся на похоронах.

⁹ Цитируется стихотворение «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Перевод Н. Берберовой.

– А что во всем этом удивительного? – спросил Джим.

– Сегодня пятница, – ответил Мэтт. – Вдоль реки проходит шоссе. Обычно слышно только машины. Люди едут в кино и бары, грузовики перевозят лес. К этим звукам привыкаешь и не обращаешь на них внимания, но замечаешь, когда они пропадают. Здесь, в округе, всегда шумно, даже после полуночи. Поезда гудят. Иногда срабатывает сигнализация. А еще...

– Телевизоры, – закончила за него Энни. – Все вокруг смотрят телевизор. А в летнюю ночь вроде сегодняшней еще и с открытыми окнами. – Она едва заметно вздрогнула. Мэтт держал ее за руку и почувствовал это. – Похоже, сегодня никто не смотрит.

Мэтт оглянулся на дом. Рэйчел выключила телевизор и стояла у окна своей комнаты, хмуро вглядываясь в сумерки. За ее спиной светила лампа.

– Все простужены, вот и улеглись пораньше, – предположил Джим.

– Не нужно меня щадить, – сердито произнесла Лиллиан, выпрямляясь в кресле. – Я знаю, что происходит на самом деле.

Мэтт с Джимом переглянулись.

– Лиллиан, если ты знаешь, что происходит, значит ты на шаг впереди нас, – спокойно сказал Мэтт.

– Все меняется. Вот что происходит. – Ее голос звучал хрипло, взгляд был скорбным. – Поэтому сегодня никто, кроме нас, не пришел.

Повисла тишина, которую Мэтт считал признаком всеобщего согласия. Затем Джим поднял бокал:

– Тогда – за нас. За стойкую четверку.

Лиллиан выпила, чтобы показать, что больше не сердится.

– Зря это я, – тут же спохватилась она. – От вина меня в сон клонит. И ребенок же! Это ведь плохо для ребенка? Ладно, всего лишь один глоток.

«Клац, дзынь», – отозвался далекий флагшток.

Мэтт зашел к Рэйчел пожелать спокойной ночи и обнаружил, что она уже спит, завернувшись в розовое покрывало. В открытое окно веяло ночной прохладой.

Он придвинул к кровати кресло и осторожно сел, стараясь не скрипеть.

Рэйчел почти не делала перестановок в комнате после смерти матери. Спальня до сих пор выглядела детской; на окне висели кружевные занавески, на шкафу сидели плюшевые зверьки. Мэтт точно знал, что Рэйчел не выбросила ни одной старой игрушки. У нее в сундуке хранились мультяшные герои «Моего маленького пони» и «Джем» – полная коллекция, – миниатюрные кухонные плиты, телевизоры, холодильники; туда же был аккуратно уложен «Дом на колесах Барби», тоже собранный полностью. Сундук открывался редко, выполняя скорее роль святилища, посвященного то ли матери Рэйчел, то ли просто безмятежному детству. Этакое королевство забытых вещей.

Он посмотрел на дочь, и мысль о сундуке с игрушками вдруг повергла его в безутешную грусть.

«Рэйч, я бы отдал все, лишь бы вернуть то, что мир украл у тебя. Все, что он крадет и крадет».

Рэйчел повернулась на бок и открыла глаза:

– Папа?

– Да, Рэйч.

– Я слышала, как ты вошел.

– Просто хотел пожелать спокойной ночи.

– Энни останется?

– Вроде бы.

– Хорошо. Мне нравится видеть ее по утрам.

Рэйчел зевнула. Мэтт потрогал ее лоб. Чуть горячее нормы.

Она вдруг о чем-то задумалась:

– Папа? Все будет хорошо?

«Солги, – подумал Мэтт. – Солги так, чтобы она поверила».

– Да, Рэйч, – сказал он.

Дочь кивнула и закрыла глаза:

– Я тоже так думаю.

Он разложил в подвале кровать для Джима и Лиллиан. Оба то ли перебрали вина, то ли находились под иным «эфиром»; так или иначе, ехать домой они были не в состоянии.

«Я знаю, как они себя чувствуют», – подумал Мэтт. Как обернутые ватой. Бодрые и одновременно сонные. В студенческие годы он пару раз курил марихуану в комнате приятеля. Эффект был примерно тот же... его словно обволакивал защитный фосфоресцирующий туман, а когда он добирался до дома, постель будто колыхалась под ним.

В эту ночь он улегся в постель рядом с Энни.

Они давно не спали вместе, и теперь Мэтт задумался почему. Он скучал по ее присутствию, ее теплу и всему, что делало ее Энни. Она была миниатюрной, и вся ее пылкая энергия, вся загадочная молчаливость были тесно упакованы внутри тела. Она повернулась на бок и подобралась ближе; он обвился вокруг нее.

Мэтт испытывал чувство вины, когда впервые привел Энни домой, – повсюду еще ощущалось присутствие Селесты, Энни была в доме чужой, и Мэтт боялся, не оскорбляет ли это память его покойной жены. Реакцию Рэйчел он тоже не мог предугадать. Возможная вражда между Энни и дочерью была ужасной перспективой.

Но Рэйчел поладила с Энни, приняла ее без вопросов.

– Это потому, что она скорбела, – предположила потом Энни. – Скорбела по матери и, наверное, до сих пор скорбит. Но она не обманывает себя. Она отпускает ее. Понимает, что ничего плохого в моем появлении нет, ведь Селесту не вернуть. – (Мэтт скривился.) – Мэтт, а вот ты не любишь отпускать. Ты барахольщик. Копишь вещи и воспоминания. Твое детство. Этот город. Твои идеалы. Твой брак. Нет даже мысли о том, чтобы отказаться от чего-нибудь.

Это было правдой, но все равно бесило его.

– Я отказался от Селесты, – ответил он. – У меня даже не было выбора.

– Ты упрощаешь. С одной стороны, ты не должен полностью о ней забывать. В конце концов, она – часть тебя. С другой стороны, ты ничего не можешь поделать с тем, что она умерла. Между этими двумя крайностями есть пространство – небольшое, – куда вписываюсь я.

Мэтт вспомнил об этом, обнимая Энни, и крепко задумался.

«Ты барахольщик. Ты не любишь отпускать».

Да, все так.

Он крепко держался за Энни. За Рэйчел. За Джима, Лиллиан, свою клинику и Бьюкенен. «Все меняется», – сказала Лиллиан. Но он не мог отказаться ни от чего.

Холодные пальцы ветра тронули его за плечо. В летней темноте Мэтт подтянул покрывало, закрыл глаза и, как Энни, как Рэйчел, как Джим и Лиллиан, как все жители Бьюкенена и целого сонного мира, увидел сон.

Волна сна накрыла земной шар, словно тень от солнца, лишь на несколько часов задержавшись за границей ночи.

Это был самый глубокий сон с тех пор, как человечество покинуло Африку и расселилось по планете. Он двигался по Северной Америке, от восточной оконечности Лабрадора на запад, и в равной степени подчинил себе всех: ночных работников, людей, страдающих бессонницей, богатых и бедных, алкоголиков и наркоманов.

Он подчинил себе фермеров, рыбаков, тюремных заключенных и их надзирателей. Он подчинил накачанных мефедроном дальнобойщиков, и те дружно свернули на обочины и уснули прямо в кабинах под песни Уэйлона Дженнингса¹⁰. Подчинил пилотов гражданской авиации, которые по команде диспетчеров посадили все свои 747-е «Боинги» на полосы спящих аэропортов и тоже уснули.

Но были и отдельные – временные – исключения. Чрезвычайных ситуаций, требовавших вызова медицинской помощи, почти не случалось, но телефонные линии остались под наблюдением нескольких сонных сотрудников (которые уснули позже); машины «скорой помощи» развезли пострадавших по больницам, где редкие врачи, способные работать, но одурманенные настолько, что не задумывались о происходящем, обработали редкие раны редким спящим пациентам... Впрочем, раны затягивались и без их вмешательства. Пожарные, пусть и сонные, оставались на дежурстве до тех пор, пока не разобрались – безотчетно – с очевидными угрозами: потушили все сигареты, выключили все оставшиеся без присмотра плиты и камины.

¹⁰ Уэйлон Дженнингс (1937–2002) – популярный исполнитель музыки кантри.

Глава 7. Тишина

Если пожары все-таки случались, то по вине природы, а не человека. В Чикаго неработающая мать-одиночка Эджи Лангуа, которая крепко спала в своей двухкомнатной квартире, пробудилась посреди сна – но тот не был сном – и обнаружила, что из старой розетки 1925 года вырывается пламя, постепенно подбираясь к хлопчатобумажным занавескам. Она подхватила спавшего малыша и не спавшего, но абсолютно спокойного трехгодовалого сынишку и помчалась вниз через два лестничных пролета... с удивлением обнаружив, что остальные жильцы дома спокойно выбирают из своих квартир и гуськом следуют за ней. Наркодилер из квартиры 3-А тащил на себе безногого старика из 4-Б, а главный враг Эджи, молодая соседка, работавшая официанткой и любившая закатывать вечеринки допоздна, когда детям Эджи нужно было спать, принесла целый ворох одеял и без лишних слов отдала Эджи сразу три.

Кто-то задержался, чтобы позвонить по номеру 911. Пожарные машины прибыли почти мгновенно, в сверхъестественной тишине. Члены расчета легко, без лишних манипуляций, подключили шланги. Они действовали так, будто у каждого бодрствовала только часть организма, ответственная за эффективное выполнение работы. Незнакомый мужчина из соседнего дома предложил Эджи поспать у него на диване, а детей уложить на тюфяке. Эджи согласилась.

– Необычная ночь, – сказал мужчина, и Эджи, не говоря ни слова, задумчиво кивнула в ответ. Не прошло и часа, как пожар потушили, и жильцы, храня удивительное, возвышенное молчание, разошлись по новым местам для ночлега. Оказавшись в безопасности вместе с детьми, Эджи вновь погрузилась в сон.

Несмотря на работающие телефонные станции, местных звонков совершалось все меньше, а международная связь вовсе прервалась. За считанные часы на всей Земле многократно снизился уровень низко- и высокочастотного излучения. Ночь накрыла западные города – Лиму, Лос-Анджелес, Анкоридж; тьма поползла на океан, а в Израиле прекратился эфир Си-эн-эн – из-за «непредвиденной нехватки персонала», как выразился один усталый телеведущий из Атланты. Сначала на экранах остался только логотип на фоне помех, затем – одни помехи. Заокеанские зрители, глядя в горизонт, один за другим решали: что-то не так. Случилось что-то серьезное, но все они чувствовали себя невероятно спокойно и в конце концов уснули.

Одни сопротивлялись дольше других. То ли благодаря силе воли, то ли крепкому здоровью некоторым удавалось стряхнуть дремоту или по меньшей мере отложить засыпание на несколько минут и даже часов.

Торговый агент обувной фирмы «Беневолент» из Эбботсфорда, Мичиган, раздумывал о чуде, снизошедшем на него во тьме, в арендованном «крайслере», по дороге из денверского аэропорта. Он приехал на форум западных производителей обуви и должен был поселиться в отеле «Марриотт» в Форт-Коллинзе. Торжественный прием, чтоб его, был назначен аж на семь утра. Но чудо – необъяснимое происшествие – избавило его от раннеутренней яичницы с беконом в компании сонных предпринимателей с бейджиками «Привет, меня зовут...».

Чудо началось сразу после заката, когда его самолет только приземлился в Степлтоне. Аэропорт был почти пустым, хотя самолеты стояли у всех выходов. Добрая половина его попутчиков остались на борту, свернувшись калачиками в креслах, – летят еще куда-то, предположил он сперва, но сразу понял, что это чушь. Само здание было похоже на тихую пещеру; багажа ждали очень долго, а женщину в будке прокатной компании «Хертц» пришлось изрядно потормозить, чтобы арендовать автомобиль. По дороге на север торгового агента чрезвычайно удивило почти пустое шоссе. Машины одна за другой сворачивали на обочину, пока его «крайслер» не остался единственным на дороге. Сквозь призрачную дремоту он подпевал песне

«Юритмикс» – та перекачивалась в его голове, как горошинка в пустом стручке. Затем денверское ретро-радио вдруг прекратило вещание; он попытался поймать другую станцию, но нашел только одну, транслировавшую музыку кантри и вестерн. Вскоре она тоже отключилась. Это было ненормально. Даже более того. Это было чересчур ненормально, и, вообще-то, он должен был порядком перепугаться. Как и все, он свернул на обочину и вылез из машины. Забравшись на крышу, он уселся там, постукивая каблуками по пассажирской двери, – что еще можно было делать? На него снизошло лихорадочное озарение: наступал конец света. Наступал странным, неожиданным, удивительно спокойным образом, но, вне всякого сомнения, наступал. Торговый агент встречал его на крыше «крайслера» цвета детской неожиданности, в дешевом костюме и впервые в жизни слышал тишину всеми покинутой ночи, где не было места людскому шуму. Его ерзанье на крыше вдруг показалось чрезмерно громким; злаки приглушенно шелестели на ветру, ощущался запах растущей травы с примесью горячего машинного масла и его собственного пота. Где-то лаяла собака, а звезды были яркими, как искры... и все составляло одно явление, которое он назвал просто «тишиной», и это было прекрасно и страшно. Он вспомнил свою жену и семилетнего сына. Он знал, хоть и не понимал откуда, что необъяснимое настигло и их, отчего стало легче смириться с неизбежным. У него вдруг закружилась голова, он почувствовал себя невероятно одиноким на необъятном ковре спящих полей, слез с крыши, шмыгнул в машину, где тишина казалась еще громче, свернулся калачиком на заднем сиденье и подчинился внезапному, но запоздалому зову сна.

В числе прочего ему приснилось, что прямо посреди прерии, недалеко от его машины, выросла гора – не уступающая высочайшим вершинам Земли и совершенно круглая, как жемчужина.

В тысяче миль к югу Мария Монтойя, по ее собственному определению – элитная эскорт-служанка, или, как в порыве страсти имели неосторожность шептать (или кричать) клиенты, шлюха, собиралась встретиться с немецким бизнесменом в отеле на Авенида-Хуарес, у площади Сокало в Мехико.

Попасть на место встречи оказалось неожиданно трудно. Во-первых, не было такси. Подстава, как сказали бы американцы. Вся ее работа зависела от такси. У нее даже имелось соглашение с перевозчиком «Такси-метро»: она оставляла карточку компании в номерах клиентов и получала десятипроцентную скидку. В этот день такси не ходили, диспетчеры не отвечали на звонки, а на улицах, словно тромбы в старых артериях, стояли тысячи машин. Весь город замер, как при землетрясении. Разумеется, никаким землетрясением или другим бедствием даже не пахло, и оттого суть происходящего становилась еще загадочнее... но Мария не хотела в нее вникать. Она чувствовала себя сонной, рассеянной, как при болезни. И всецело сосредоточилась на встрече с клиентом. Он был важным, богатым мужчиной. Мария пробовала звонить, чтобы предупредить об опоздании; телефон работал, но в отеле не отвечали. В конце концов Мария выругалась и вышла из съемной комнаты на жаркую ночную улицу. Воздух был липким и спертым. Она прошла десять кварталов до отеля, мимо заглохших машин... Впрочем, нет, не заглохших, ведь водители намеренно съезжали с дороги, иногда прямо на тротуар, оставляя посередине пустую полосу, выключали моторы и гасили свет в салоне. Автомобили превратились в темные пещеры, внутри которых сквозь открытые окна виднелись сутулые фигуры спящих пассажиров. Они были живы, иначе Мария переполошилась бы. Просто спали. Откуда она знала? Непонятно. Но знала наверняка.

Дорога была мучительной. Мария засыпала на ходу. Один раз она свернула не туда и оказалась перед Национальным дворцом, некрасивой громадой из пористого вулканического камня, нависшей над безлюдной площадью и сотней неподвижных машин. Ее каблуки клацали по тротуару, в ответ раздавалось эхо.

Она добралась до отеля, опоздав на час и сломав каблук. Марии хотелось спать; долгая прогулка заметно подорвала ее решимость.

Но она все равно доехала на лифте до четырнадцатого этажа, прошла по прохладному, пахнущему сосной коридору до номера 1413, постучала и, не дождавшись ответа, открыла незапертую дверь. Клиент, толстый немец, был внутри и, разумеется, спал: растянулся на кровати в одних трусах и храпел. Он был бледным, как яйцо, и неприятно волосатым. Мария почувствовала секундное отвращение – издержка профессии – и сразу подавила его. Очевидно, в ее услугах здесь не нуждались. Этого мужчину, требовавшего от нее пунктуальности, было не разбудить. Можно было возвращаться домой... но от одной мысли о том, что прогулку придется повторить, Марию зашатало.

Добросовестно выполняя свою работу до последнего, Мария положила на прикроватный столик карточку «Такси-метро» и целомудренно улеглась рядом со спящим немцем, чтобы видеть сны, как и он.

Сон двигался на запад. Сон дошел до Аляски, перешагнул Алеутские острова и отправился в Сибирь. Сон опустился на древние азиатские города: Ханой, Гонконг, Бангкок. Токио уснул в таком тесном единстве, что Хироси Митио, последний регулировщик, сомкнувший глаза под неоновыми вывесками Акихабары, успел подумать, что сон, подобно туману, может подняться до небес и скрыть звезды.

С приходом ночи сон накрыл русские степи, Уральские и Кавказские горы; промаршировал, будто невидимая армия, до финской границы, вошел в Украину, Румынию и Польшу, не встретив сопротивления – лишь прохладный ночной воздух.

Сон завоевал Китай и перекинулся на Тибет, Пакистан, Индию, перемахнул две широты от Калькутты до Хайдарабада.

Чтобы захватить Африку, сну понадобились считанные часы. Он направился от Аденоского залива в засушливые внутренние регионы, сморив и погрузив во тьму голодающих детей в лагерях для беженцев, прошел через джунгли и саванну вдоль экватора, поглотил Египет, Ливию, Алжир и в конце концов добрался до последней добычи в рыбной лавке Дакара.

Сон охватил европейские города, перекрыв реку людского шума, что бежала без передышки с самого основания Рима. Сон заставил замолчать Берлин и Лейпциг, завоевал Неаполь и Милан, потушил свет в Париже и Амстердаме, перебрался через Ла-Манш и захватил Лондон, где последние перепуганные одиночки следили за системным сбоем мира с помощью коротковолновых радиоприемников. Наконец уснули и они. Теперь спали все, и все видели сны.

Сны у всех были одинаковыми. Сложными, но в основе своей состоявшими из единственного послания, вопроса, заданного шести миллиардам человек на более чем трех тысячах языков.

«Ты хочешь жить?»

Часть вторая. Один из десяти тысяч

Глава 8. Проснувшийся Бьюкенен

Саймон Экройд, доктор богословия, ректор епископальной церкви Святого Иакова с момента своего назначения в Бьюкенен в 1987 году, очнулся от долгого сна с мыслями об ацтеках.

К концу пятнадцатого века ацтеки так отточили мастерство ритуального жертвоприношения, что как-то в 1487 году одного за другим убили восемьдесят тысяч пленников, вырезав им еще бьющиеся сердца обсидиановыми кинжалами. Очередь жертв протянулась на несколько миль. Перед жертвоприношением их держали в клетках, откармливали и одурманивали наркотиком из растения толоатцин, чтобы те выдержали кошмарный ритуал не сопротивляясь.

Саймон прочитал об ацтеках во время учебы в колледже, и это стало первым серьезным испытанием для его веры. Он рос, как ему теперь казалось, в атмосфере стерильного христианства, в той пастельной вере, что прививают в воскресных школах: ласковый Иисус спасает человечество от дикарского поклонения таким же пастельным языческим богам вроде Афины или Диониса. В такой картине мира проблема зла была чем-то несущественным и абстрактным.

Да, был еще и Холокост, но его Саймон списывал на жуткое умопомрачение, на юродство мира, где Христос правит, но никого не принуждает к обращению в свою веру.

В то же время ацтеки... ацтеки засели в его голове и жгли разум, как горячие уголья.

Он никак не мог избавиться от назойливых видений: вереницы пленников, дрожа, проходят мимо угловатых колоннад Теночтитлана. Видение как бы намекало, что в истории остались целые цивилизации, о которых ничего не известно неизмеримо долгие, невероятно жестокие столетия, когда люди не знали Христа. Он представлял ритуальных жертв и думал: «Они были людьми. Человеческими существами. Каждый из них прожил свою жизнь, неведомую, страшную и очень короткую».

Во время учебы в семинарии Саймону даже приснилось, что он разговаривает с ацтекским жрецом – костлявым смуглым мужчиной в головном уборе из перьев, принявшим его страх за благоговейный трепет и попытавшимся сделать ответный комплимент. «Наши кинжалы – пустяк, – говорил жрец. – Посмотри, чего добился ваш народ. Ваши ракеты, ваши незаметные бомбардировщики... каждый из них – это обсидиановый нож, нацеленный в сердца десятков миллионов мужчин, женщин и детей; каждый из них – это храм, плод кропотливой, искусной работы армии инженеров, разработчиков, политиков, налогоплательщиков. У нас нет ничего, что может с этим сравниться».

И Саймон проснулся с леденящей душу мыслью: его собственная жизнь, его культура, все, что было ему близким и родным, на деле может быть страшнее и уродливее каменных алтарей и труднозапоминаемых божеств ацтеков.

Вера поддерживала его во время учебы в колледже, после получения докторской степени и после назначения в приход. Он был христианином-мыслителем и в лучшие дни думал, что сомнения лишь делают его сильнее. В другие дни – когда Бьюкенен накрывало зимним туманом, в безлунные летние ночи, когда сосны казались особенно колючими, напоминая Тлалока, ацтекского бога загробного мира¹¹, каким он изображен на отвратительной фреске в Тепанитле, – ему хотелось избавиться от своих сомнений, сжечь даже их тени ярким светом веры.

Но этой ночью ему вдруг приснился совсем другой сон.

¹¹ Автор допускает ошибку – Тлалок в ацтекской мифологии был одним из правителей верхнего, небесного мира и покровителем дождя, грома и сельского хозяйства. Владыкой же загробного мира был бог Миктлантекутли.

Он проснулся с трудом, на ощупь исследуя как будто обновленный и непредсказуемый мир. Возможно, так оно и было.

Саймон почувствовал, что окружающий мир просыпается вместе с ним. Просыпается, увидев необычный и весьма многозначительный сон.

Но мир, непосредственно окружавший его, остался прежним: та же кровать, та же спальня, тот же скрипучий паркетный пол.

Погода по-прежнему была хорошей. Саймон раздвинул шторы. Деревянный пасторский дом, стоявший возле церкви, построили в годы бума, после Второй мировой войны, в старой части Бьюкенена – между заливом и горами. Главной ценностью скромного строения был вид из окна. Утреннее небо сияло над синей океанской гладью. Ветер гнал по волнам белые барашки.

Мир изменился, но не стал другим. Точнее, изменилось человечество.

«Они начали работу внутри нас», – подумал Саймон.

Он побрился и задумчиво постоял перед зеркалом в ванной, разглядывая свое отражение: сухощавый сорокапятилетний мужчина, лысеющий, с седеющей бородой, совсем непримечательный. «Впрочем, – подумал он, – все мы теперь стали весьма примечательными *внутри*». Одевшись, он босиком спустился вниз. Теплыми летними утрами Саймон позволял себе ходить по дому босиком. Домоправительница Мэри Парк не одобряла эту привычку. Она глядела на его голые ноги так, будто они воплощали собой своенравие или дурной вкус, и качала головой. А вот Саймону собственные ноги нравились – неприхотливые, невзрачные, некрасивые, в полном соответствии с его протестантскими представлениями. «Простые» ноги, как сказали бы амиши.

Миссис Парк постучала и вошла, когда Саймон настраивал маленький телевизор в гостиной. Тот принадлежал церкви и обычно использовался для показов в воскресной школе. В июне прошлого года Саймон за свой счет провел в пасторский дом кабельное телевидение, чтобы удовлетворить свои потребности в новостях и образовательных передачах. Этим утром он включил Си-эн-эн. Сонная ведущая растерянно, общими фразами описывала события последних тридцати двух часов. Судя по всему, Западная Европа еще не проснулась. Саймон на миг представил Землю животным, например медведем, который вылезает из берлоги на свет, еще пошатаваясь после зимней спячки.

– Доброе утро, – рассеянно бросила ему миссис Парк.

Не обратив внимания на его босые ноги, она сразу приступила к приготовлению завтрака – два яйца, бекон, хлеб с маслом. Холестериновый грех, от которого Саймон никак не мог отказаться. Этим утром он был чрезвычайно голоден. Он проспал целую ночь, целый день и еще одну ночь. С необъяснимым трепетом он думал об утре, которое пропустил, и о тихом дне, который прошел, не замеченный ни одним человеком.

Миссис Парк поглядывала из кухни на экран телевизора. Саймон прибавил громкость, чтобы ей было слышно.

– Существуют неопровержимые доказательства того, что этот сон нам навязан, – говорила ведущая. – Однако мы не располагаем данными о каких-либо несчастных случаях. Опрошенные граждане рассказывают о прямом, почти телепатическом контакте с Артефактом на орбите.

И так далее. Саймон размышлял о том, как долго продлится эта игра в объективность. «Господи, – думал он, – мы и так все это знаем».

Никто даже не заикался о том, что ожидало всех в будущем. Элизий. Иерусалим. *Ilud tempus* – иное время.

Он отправился на кухню по первому зову миссис Парк. Завтрак пах пленительно, как никогда. Или это было следствием уже начавшихся перемен в его теле?

- Доктор Экройд. – Домоправительница нависла у него над плечом.
- Да, Мэри?
- Вы видели сон?
- Все его видели.
- Я сказала им... «да», – призналась домоправительница.
- Конечно, Мэри. Я тоже.
- Но вы же были верующим! – удивленно воскликнула женщина.
- Не «был», а остаюсь. Думаю, что остаюсь.
- Тогда почему вы ответили «да»? Не сочтите мой вопрос за дерзость.

Он задумался. Вопрос был непростым. За эти тридцать с чем-то часов многим его убеждениям был брошен вызов. От некоторых он отрекся. Неужели его соблазняли и он поддался соблазну?

Он представил храм Теночтитлана, ритуальную арку и опускающийся обсидиановый кинжал.

- Из-за ацтеков, – ответил он.
- Сэр?
- Потому что в мире больше не будет ацтеков, – сказал пастор. – С ними покончено.

Вопрос был задан в весьма демократичной форме и вскоре стало ясно, что ответивших «да» оказалось куда больше, чем ответивших «нет».

Мэри Парк сказала «да», как и ее муж Айра. Проснувшись и обменявшись взглядами, они поняли, что ответил каждый. В этом году Айре исполнилось шестьдесят, он был на семь лет старше Мэри. Всю весну и все лето он не выходил из дома из-за эмфиземы и был слаб, как ребенок. Его день начинался с просмотра утренних телевикторин, на смену которым приходили дневные фильмы, а по вечерам он перечитывал выписанные по почте спортивные журналы. Этим утром он сел, сделал в виде пробы глубокий вдох... и закашлялся, но не так сильно и болезненно, как за день до того. Воздух был приятен ему. Сладковатый воздух летнего утра, гораздо свежее больничного кислорода. К нему будто вернулись давно забытые воспоминания. «Ты хочешь жить?» Господи, еще бы! Этим утром он очень хотел жить. Даже если в перспективе это предвещало некие... странности.

Лежа в постели, Айра Парк стал подумывать о возвращении в «Харвест», строительный магазин, где проработал двадцать пять лет. Затем передумал. Двадцать пять лет за прилавком – достаточно для одной жизни. Лучше найти новое занятие на ближайшие двадцать пять лет. Или две с половиной тысячи.

В «Харвесте» на его место наняли восемнадцатилетнего Теда Кининга, которого (в учительской, когда шел непринужденный разговор) школьный психолог охарактеризовал так: «Для колледжа не годится. Слишком тупой для науки, слишком жирный для спорта, слишком бедный, чтобы давать взятки на экзаменах».

Теда было не оторвать от телевизора. Он по-прежнему весил фунтов на двадцать больше, чем хотел бы, но от работы в магазине заметно похудел. Ему приходилось заниматься физическим трудом – таскать товары из подвала и обратно. Но Тед стал подозревать, что будущее готовит ему кое-что поинтереснее ежедневного замера цепей и взвешивания гвоздей. Этим утром он проснулся, осознавая, что никогда не умрет и что никто больше не назовет его жирным или тупым – таким он считал себя с тех пор, как, проходя под окном учительской, случайно услышал слова школьного психолога. Он не ликовал, не злорадствовал... скорее, был поражен. Тед не до конца понимал, что происходит. Это превосходило его понимание. Но он чувствовал будущее. Свое. Будущее мира. Будущее стало интересным и удивительным. Оно маячило на горизонте, как мираж, трудноразличимое, ослепительно-яркое, но вполне реальное.

Тед сказал начальнику, что собирается вскоре уйти из «Харвеста». Мистер Уэбстер, также ответивший «да» на беззвучный вопрос из сна, ответил, что понимает его и, насколько может судить, у человечества вскоре вообще отпадет нужда в строительных магазинах. Печально, учитывая, сколько времени и денег он вложил в свое предприятие.

– Но черт побери, мне уже шестьдесят пять. Не до конца дней же им управлять. Уж лучше без магазина, чем в гробу. Тед, я думаю, нас всех ждет нечто необъяснимое. Никогда не сталкивался с таким, да и ты, наверное, тоже. Но если ты не собираешься увольняться прямо сейчас, может, упакуешь вот это для мистера Портера?

Билли Портер, отец Бет, был постоянным покупателем. Чаще всего он приходил за запчастями для машины. Билли постоянно возился со своей десятилетней «субару», но что бы он ни делал с карбюратором, двигателем и другими деталями, машина все равно глохла на перекрестках. Иногда он покупал патроны для охотничьего ружья. Билли не был заядлым охотником, но ездил в горы с друзьями. Сегодня он пришел за садовыми инструментами, что слегка позабавило мистера Уэбстера. Он с трудом представлял, как Билли на четвереньках копается в земле и сажает, скажем, тюльпаны...

А может, в этом не было ничего смешного.

– Бекки всегда следила за садом, – объяснил Билли. – Стыдно, что я так его запустил. Думал, особого труда не надо. Чуть-чуть подрезать там, сям. Вот черт.

– Взяли выходной? – поинтересовался мистер Уэбстер.

– Короткий день. Не знаю, сколько еще проработаю на фабрике.

Билли тоже ответил «да».

Но кое-кто ответил иначе.

Дочь Билли сказала: «Нет!» Бет поняла суть предложения и без раздумий отвергла его. Она сама не могла сказать почему. Что-то внутри нее ожесточилось и отпрянуло от инопланетного прикосновения. «Нет, только не я. Вы не отберете у меня мою смерть».

Когда она проснулась, то немного взгрустнула, осознав, от чего отказалась. Теперь главным вопросом было: «Что дальше?» Какие опасности и какие возможности таил грядущий новый мир?

Она поехала в супермаркет и оттуда по платному телефону позвонила Джоуи Коммонеру.

Джоуи не хотел об этом говорить, но по его уклончивым ответам на ее осторожные вопросы Бет поняла, что он тоже ответил «нет».

«А то ты не догадывалась! Два сапога пара, – подумала Бет. – Последние, черт побери, настоящие люди».

«Последние ацтеки», – сказал бы преподобный Экرويد.

Были и другие.

Мириам Флетт, чьи страдания и добродетели остались неизменными. Этим утром она проснулась с новым представлением о длани, коснувшейся ее ночью.

Том Киндл, уже пять лет живший на склоне горы Бьюкенен в хижине без электричества. Летом по выходным он спускался в город и возил людей на пароме к островам, а зиму проводил в одиночестве. Ему так нравилось. А вот чудесное предложение, услышанное во сне, совсем не понравилось ему.

«Мы же станем леммингами», – подумал Киндл. Никакого уединения.

Один младший городской советник. Один муниципальный секретарь. Один продавец автосалона «Бьюик» на шоссе № 5.

Мэтт Уилер.

Глава 9. Много обитателей¹²

Проснувшись, Мэтт сразу заметил, что температура прошла. Голова была ясной, взгляд – зорким, вчерашнюю сонливость как рукой сняло. Но что-то было не так.

Он повернулся и протянул руку, ожидая нащупать Энни, но обнаружил только одеяло.

Как и все, прошедшей ночью он видел сон. Сон казался ощутимым, реальным... был реальным, как подсказывал Мэтту внутренний голос. Но Мэтт решил, что он не мог быть реальным, и, вооружившись этой решимостью, подавил все остальные мысли, противоречивые и спутанные. Сон, повторял он про себя, – это всего лишь сон.

В доме пахло жареным беконом и маслянистыми тостами. Мэтт оделся по-выходному, в «ливайсы» и кофту, и направился на кухню. Мозаичную напольную плитку пересекала солнечная черта. Окно было распахнуто, утренний ветер легонько трепал занавески.

Энни и Рэйчел готовили вместе. Мэтт задержался на пороге, пока они его не заметили. Склонив головы друг к другу, они хихикали над какой-то шуткой. На Рэйчел были шорты и старая футболка цвета хаки. Энни так и не сняла ночную рубашку. Они разбивали яйца в синюю пластмассовую миску.

Первой Мэтта заметила Энни. Ее улыбка не померкла, но неуверенно дрогнула.

– Завтрак на подходе, – сказала она. – Для сонь. Джим и Лиллиан уже ушли. Решили поесть в «Макдоналдсе». Просили передать «спасибо» за вечеринку.

– Какая там вечеринка, – ответил Мэтт.

– Вино, друзья. Вполне себе вечеринка. – Энни махнула в сторону стола. – Мэтт, садись. Помощь нам не нужна, только мешать будешь.

Он наблюдал за тем, как она хозяйничает на кухне, растрепанная, но прекрасная в своей ночной рубашке. Любовью они прошлым вечером не занимались – чертов тайваньский грипп. С прошлого раза прошло уже много, чересчур много времени. Мэтт припоминал, что как минимум пять раз собирался сделать Энни предложение, но все время пасовал, не то из-за остаточного чувства вины, не то из боязни нарушить статус-кво, что покончило бы с их шатким романом.

«Надо было сделать предложение, – подумал он. – Тогда такие утра случались бы чаще. И спали бы мы вместе чаще».

Рэйчел подавала омлет с удивительной веселостью. В последнее время она почти не улыбалась. В детстве ее улыбка была широкой и заразительной. Селеста брала ее с собой за покупками и всякий раз слышала комплименты от встречных: «Какая довольная малышка!» Она была довольным младенцем, довольным ребенком, довольной маленькой девочкой. Смерть Селесты стерла эту улыбку, и Мэтт удивился тому, как бурно он отреагировал на ее возвращение. Сколько лет Рэйчел так не улыбалась? Не бравурной улыбкой, не улыбкой вежливости, а своей фирменной широченной улыбкой?

Эта мысль была одновременно сентиментальной и опасной, и Мэтт отбросил ее, уставившись на лакированный стол.

Рэйчел села есть с ним, а Энни отказалась.

– Не хочешь есть? – спросил Мэтт.

– Уже поела. Пойду переоденусь. Наслаждайтесь.

Она ушла, но прежде Мэтт заметил, как они с Рэйчел переглянулись. Будто сигнализировали о чем-то друг другу.

¹² «В доме Отца Моего обитателей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: „Я иду приготовить место вам“» (Ин. 14: 2).

Он посмотрел на часы и заметил, что дата перескочила на день вперед. Как так вышло? Во сне ему показалось, что спит он непривычно долго, но то во сне. Мэтт постарался сосредоточиться. Его на миг обуял страх, что окружающий мир вот-вот исчезнет, стены реальности рухнут и за ними окажется... пустота.

– Включить радио? – спросила Рэйчел.

«Господи, не надо», – подумал Мэтт.

– Нет... спасибо. – Сам не зная почему, он боялся услышать то, что могли сообщить по радио.

– Извини, пап, – смутилась Рэйчел.

– Ничего.

Она подцепила вилкой омлет. В комнате вдруг повисла неловкая тишина, и улыбка Рэйчел померкла.

– Пап, – сказала она, – со мной все хорошо. Честно.

– Я и не сомневаюсь.

– Ты за меня переживаешь. Но все хорошо. Правда. Пап? – Она внимательно посмотрела на него. – Папа, ты видел сон?

Вопрос едва не прибил его к полу. Он отчаянно боролся с детским желанием зажмуриться и заткнуть уши.

– Нет, милая, – отведя взгляд, произнес он сквозь стыд. Его язык едва ворочался. – Мне ничего не снилось.

Он отвез Энни домой по прибрежному шоссе.

Бьюкенен снова выглядел тихим, но это была привычная субботняя тишина, а не безмолвие прошлого дня, тревожное и непонятное. Люди прохладялись на улице, стригли лужайки, пололи грядки, ходили по магазинам. Мэтт порадовался этой пригородной умиротворенности.

Над склоном горы стояла голубоватая дымка. Ветер приносил через окно насыщенные запахи сосновой смолы и нагретого солнцем асфальта. Дорога плавно изгибалась. Мэтт миновал торговый порт, где на приколе стоял ржавый траулер, и направил машину через деловой квартал, огибая пригород, – к дому, где жила Энни.

Ему было непонятно, почему она решила поселиться в этом захолустье, в старом многоквартирном доме, без лифта, со стенами не толще картона. Сама Энни не объясняла. Энни много чего не объясняла. Например, куда она исчезала каждую вторую субботу месяца и почему не меняла свою симпатичную, но давно устаревшую мебель.

Она пригласила Мэтта подняться, и он согласился. Несмотря на очевидную бедность убранства, квартира вполне соотносилась с обликом и характером Энни: спальня, большая гостиная с видом на залив, редкие предметы мебели, чистый паркет, старая пятнистая кошка Бьюла, дремавшая на пятне солнечного света. Квартира, минималистичная, как японское хокку: важна каждая деталь.

Энни насыпала кофе в кофеварку. Бьюлу успела покормить соседка, и кошка пропускала доносившийся с кухни шум мимо ушей. Машина забулькала.

– Мэтт, нам нужно поговорить, – сказала Энни.

«Нам нужно поговорить» было политкорректным синонимом грядущего эмоционального всплеска, и Мэтту это не понравилось. Он встал у окна, глядя на спокойный синий океан. О чем говорить? Почему нельзя просто помолчать?

– Мэтт? – окликнула Энни. – Ты видел сон этой ночью?

Он едва не возненавидел ее за этот вопрос.

– Рэйчел спрашивала то же самое, – сказал он.

– О. И что ты ей ответил?

– Что не видел.

– Вряд ли она поверила.

– Она ничего не сказала.

– Я тебе не верю.

– Энни, к чему это? – Мэтт крайне неохотно отвлекся от созерцания озаренного солнцем моря.

– Я видела сон, – сказала Энни. – Рэйчел тоже видела. Думаю, все живущие на Земле люди видели его. И ты тоже.

Мэтту захотелось метнуться к двери. Его бросило в пот, он напрягся, не в силах противиться вердикту, который вынес сам. «Отрицание, – заявил его внутренний студент-зазнайка. – Ты отрицаешь то, с чем не хочешь иметь дела».

Он сел за лакированный сосновый стол и закрыл глаза. Бьюла потерлась о его ногу. Мэтт посадил кошку на колени, и та заурчала.

– Ладно, – сухо сказал он. – Расскажи, что тебе снилось.

Энни заявила, что это не сон. Это явление, вызванное микроорганизмами – или машинами, – о которых предупреждал Джим Бикс.

(«Нет, Мэтт, не спрашивай, откуда я это знаю. Просто знаю. Дай мне закончить».)

Энни сказала, что микробы – не организмы и не механизмы: или комбинация того и другого, или что-то неведомое. Они могут размножаться и в некотором смысле разумны. Их выпустили в атмосферу триллионами; ветер разнес их по всем уголкам Земли, и к концу июля они поселились в организме каждого человека. На прошлой неделе они приступили к размножению; аномальные результаты анализов крови были следствием их роста и активности.

Они должны были служить голосом Артефакта. Точнее, голосом Странников.

Энни сказала «Странники» – так они называли сами себя. Как и созданные ими микробы, они не были органическими существами, но, в отличие от своих творений, когда-то являлись ими и не путешествовали за пределы родной планеты. Эти создания, напоминавшие ходячие губки, строили города в богатых метаном впадинах спутника юпитероподобной планеты, вращавшейся вокруг непостижимо далекой звезды.

Они переросли свой мир, отравили его органическими и техническими отходами и смогли предотвратить собственную гибель, лишь отказавшись от органических и механических сущностей. В критический момент они стали Странниками: беспланетными, бестелесными.

Теперь домом им служил Артефакт – физическая структура и одновременно огромное виртуальное пространство. Их было больше, чем людей на Земле, но лишь некоторые по-прежнему помещались в физических телах, чтобы поддерживать работоспособность Артефакта.

Как рассказала Энни, они были не коллективным разумом, компьютером или чем-то подобным, а самостоятельными существами, уникальными индивидами; будучи нематериальными, они могли соединяться друг с другом, бесконечно спать, переносить длительные межзвездные путешествия без скуки и усталости. Они обладали безграничной способностью к обучению и жили неизвестно сколько – сколько угодно. В некотором смысле они достигли бессмертия.

Энни говорила, осознавая все это в процессе рассказа, что они странствовали с тех пор, как Земля была скоплением пыли, а Солнце – горячей новой звездой, и ничего не забыли за минувшие тысячелетия. Они были обширным хранилищем непостижимо древней мудрости и прибыли на Землю в момент, который сочли переломным и удачным. По их словам, «мы – то, чем они были когда-то»: разумная раса, не покидающая пределов планеты и отравляющая ее своими отходами.

Становилось понятно, почему они не выходили на связь с мировыми лидерами и правительствами. У них был более продвинутый способ коммуникации: кибернетические микробы,

нечто вроде руки, с помощью которой можно дотронуться до каждого человека. Такой, более личный, контакт был их единственным методом связи. Микробы, назовем их неоцитами, взаимодействовали с нервными клетками, не изменяя их. Непосредственно перед Контактom они успокоили испуганных землян, одурманили на некоторое время – как объяснила Энни, чтобы не допустить паники. Затем Странники погрузили нас в долгий глубокий сон и в течение тридцати часов обратились к шести миллиардам человек не на известном языке, а посредством, за неимением лучшего слова, комплекса понятий, более глубоких и всеобъемлющих, чем слова любого языка. Они рассказали все это и гораздо больше, куда больше, чем могла объяснить Энни.

«Мэтт, – говорила она, – ты наверняка тоже почувствовал это: такие возможности... в прямом смысле бесконечные возможности... их жизнь, их дом, Артефакт, как раковина наутилуса, не мертвая, как могло показаться, а полная удивительной и разнообразной жизни. Они ведь показали тебе это?

Они предложили мне все это. И тебе тоже должны были предложить.

Они сказали, что я могу получить все это».

«Ты хочешь жить?» – спросили они. – Жить, не зная смерти? Фактически вечно?»

И Энни ответила «да».

«Ты хочешь жить, – спросили они, – даже зная, что изменишься? Даже если со временем перестанешь быть человеком?»

Тут она замешкалась. Но вновь подумала об их долгих, сложных, интересных жизнях; поняла, что все на свете меняется, что сама смерть – своего рода перемена и невозможно жить вечно, не меняясь: без перемен ничего не сделать.

И снова сказала «да».

Она налила Мэтту кофе. Мэтт посмотрел на кружку. Крепкая, приятно осязаемая. Привычная вещь.

Бьюла зевнула и спрыгнула с него, очевидно предпочитая залитый солнцем пол.

– Мэтт, что ты им ответил? – спросила Энни, положив руку ему на плечо.

Он отстранился:

– Я ответил «нет».

Глава 10. Этикет

Президент, которого, к слову, звали Уильям, решился на поступок, которого не совершал уже много лет: вышел на прогулку.

Он покинул Белый дом через главный выход, перешел Пенсильвания-авеню и оказался на Лафайет-сквер.

Стояло ясное сентябрьское утро. Воздух был прохладным, но ласковое солнце грело руки и лицо. На входе в парк президент задержался. Улыбнулся, скинул куртку. Расстегнул воротник, снял черный шелковый галстук, машинально сложил его и сунул в карман брюк.

«В новом мире этикет можно не соблюдать», – подумал он.

Он вспомнил историю о Калвине Кулидже, который как-то раз на утреннем приеме в Белом доме налил густой кофе со сливками в блюдце, шокировав всех. Изумленные гости из вежливости поступили так же. Вытаращив глаза, они дожидались, пока президент не сделает первый глоток. А Кулидж взял блюдце, наклонился и поставил его перед кошкой.

История забавная – но, по мнению Уильяма, в ней было что-то неприятное. От нее так и разлило древней застывшей политикой подчинения и властвования. Что такое президент, которого все боятся? Просто название. Ходячий костюм, вдобавок неудобный.

К своему стыду, он иногда думал о себе как о единственном и неповторимом президенте, своего рода иконе, в большей степени символе, нежели человеке. Так, должно быть, чувствовали себя древнеримские императоры, избранники богов, или их китайские коллеги, правившие согласно небесному мандату. Мы грезим о громких титулах и присуждаем себе их – и в самом деле, почти вся его жизнь прошла как греза, как сон, невероятно долгий и глубокий. Сон, из которого его выдернул другой сон. Утренний воздух как бы возвращал ему молодость. Он вспомнил лето, проведенное с семьей на пляжном курорте в Мэне. Не в той хижине у реки в Адирондаках, о которой он рассказывал в давнем обращении к нации, – единичный случай, изрядно приукрашенный его спичрайтером. Двенадцатилетний Уильям провел лето в настоящем летнем дворце, возведенном в «позолоченном веке»¹³ и прекрасно сохранившемся, несмотря на едкий соленый воздух и технический прогресс. Главными достоинствами отеля были изысканные льняные простыни, европейская кухня и двухмильный дикий пляж на берегу Атлантики. Матери Уильяма больше всего нравились простыни. Уильяму больше всего нравился пляж.

Ему позволяли гулять по пляжу сколько угодно, не разрешая лишь заходить в воду, которая в любом случае была слишком холодной и бурной, на его вкус. Он обожал океан, но любовался им с безопасного расстояния. Все лето, каждое утро, он поспешно запихивал в себя завтрак и мчался прочь из отеля, словно конь на скачках. Он бежал по плотному и твердому песку, пока не ощущал колики в боку, пока не начинал задыхаться. Когда бежать становилось невозможно, он снимал обувь и подходил к кромке воды, чтобы посмотреть на удивительных существ, обитавших в приливных заводях и среди камней.

Устав и от этого, он садился в высоких зарослях дистихлиса и часами смотрел туда, где океан сходил с небом. Там, за бескрайними водными просторами, была Англия. Англия, куда американские летчики отправлялись на войну с люфтваффе. За Англией располагалась вишистская Франция. Дальше – Европа, страдавшая под нацистским каблуком. Еще дальше держал оборону Сталинград.

Он смотрел, как огромные облака плывут над океаном, облака, пришедшие то ли из истерзанной войной Европы, то ли из тропиков, с морей, названия которых заставляли вспомнить книги Джозефа Конрада и Райдера Хаггарда: Индийский океан, Аравийское море, Бен-

¹³ Имеется в виду последняя четверть XIX в. в США.

гальский залив. Помечтав, Уильям съедал холодный ростбиф, приготовленный поваром отеля, и запивал его сладким ледяным чаем из термоса.

Вот это была жизнь.

«Наша жизнь подчас подобна сказкам», – подумал Уильям. И как тому мальчику пришла в голову идея стать президентом Соединенных Штатов? Он стремился к этому неустанно, в конце концов превратившись в бесстрастного патриция. Теперь ему казалось, что он впал в некий транс, но когда? В юридическом колледже? Во время первой предвыборной кампании? Он кутался в карьерный плащ до тех пор, пока желание пробежаться по солнечному летнему пляжу не покинуло его. Жаль.

Согревшись на солнышке, он задремал на скамейке у памятника Рошамбо...¹⁴ но его почти сразу же разбудило прикосновение пистолетного ствола к шее.

Холодное дуло прижалось к коже в двух дюймах ниже левого уха, скользя по мышце.

Уильям осторожно повернул голову в противоположную сторону и посмотрел вверх.

Он не сразу узнал человека, державшего пистолет. Это был высокий мужчина с аккуратно причесанными седыми волосами. Сильный, но уже не молодой, лет шестидесяти с небольшим. На нем был безупречный костюм-тройка, пиджак был расстегнут. Все это Уильям разглядел за считаное мгновение.

Лицо мужчины было удивительно привлекательным. И отчасти знакомым.

– А, – произнес президент, вспомнив. – Полковник Тайлер.

Джон Тайлер прикрывал оружие своим телом от редких туристов. Он опустил дуло, чиркнув им по ключице Уильяма, и сел на скамейку рядом, прижав пистолет к животу президента.

Имя Джона Тайлера регулярно всплывало в ежедневном резюме директора национальной разведки и на президентских брифингах. Тайлер играл незначительную роль в готовившемся мятеже, который благодаря Контакту так и не состоялся. Он был из тех бывших вояк, которые строили карьеру в сфере оборонной промышленности и так называемом железном треугольнике¹⁵. У него были связи... где? В «Форд эроспейс»? В «Дженерал дайнемикс»? Поэтому его слово имело определенный вес в Комитете палаты представителей по вооруженным силам и подкомитете по снабжению. У него имелись друзья в Пентагоне, в ЦРУ, в банках. Тайлер был образованным человеком, убедительным оратором, и его перспективы могли бы выглядеть гораздо лучезарнее, если бы военную карьеру полковника не разрушил какой-то сексуальный скандал.

Уильям знал о Тайлере кое-что еще. Сведения, подкинутаые верным генералом авиации. Зачинщики переворота приготовили для полковника Тайлера особую роль. Если бы Уильям отказался мирно уйти на покой и доживать свои дни на даче, Джон Тайлер должен был вышибить ему мозги.

– Я за вами следил, – процедил Тайлер. Говорил он тихо, но злобно. – Видел, как вы вышли из Белого дома. Боже, как непривычно видеть президента на публике без телохранителей. Думали, все кончено и охрана вам больше не нужна?

– Все кончено. Охранники разошлись по домам, полковник. – Уильям посмотрел на пистолет Тайлера. Уродливая штукавина. – А что с вашей революцией? Мне казалось, ей тоже конец.

– Держите руки на месте, – отрезал Тайлер. – А то убью.

– Вы собираетесь меня убить?

– Скорее всего.

¹⁴ Жан-Батист Донасьен де Рошамбо (1725–1807) – французский маршал, участник Войны за независимость США.

¹⁵ Термином «железный треугольник» в политике США определяют отношения между комитетами конгресса, бюрократией и группами интересов, в результате которых зачастую лоббируются выгодные строго ограниченному кругу населения законопроекты.

– А в чем смысл, полковник Тайлер?

– Сэр, смысл в том, что мертвый президент лучше живого предателя.

– Понятно.

На самом деле из этого короткого диалога Уильям почерпнул гораздо больше.

Во-первых, переворот действительно отменяется и полковник Тайлер пришел сюда исключительно по своей воле.

Во-вторых, Тайлер ответил Странникам «нет» и только сейчас начал понимать все значение Контакта.

В-третьих, несмотря на внешнее спокойствие, полковник едва справляется с паникой и безумием. Застрелит ли его Тайлер? Может, да. А может, и нет. Вопрос оставался открытым. Все решится под влиянием момента.

«Подбирай слова осторожно», – напомнил себе Уильям.

– У вас были соратники, – сказал он Тайлеру, – но теперь они передумали. Проснулись и поняли, что мир стал иным. Но вы, полковник, не с ними?

– Можете не сомневаться.

– Прошла целая неделя. Зачем вы столько ждали, прежде чем подобраться ко мне? – Уильям кивнул в сторону колючей ограды Белого дома. – Вы могли зайти с парадного входа, полковник. Никто бы вас не остановил.

– Вчера я разговаривал с вашим приятелем Чарли Бойлом. Он сказал то же самое. Я не поверил. – Тайлер развел руками. – Но, может, это и правда. Раз вы так спокойно разгуливаете.

«Чарли Бойл стал моим другом лишь тогда, когда проснулся бессмертным», – подумал Уильям. Но Чарли говорил правду. Теперь Белый дом был открыт для всех, как музей.

Тайлер нетерпеливо дернулся и слегка поджал губы. Уильям медленно втянул в себя воздух:

– Полковник Тайлер, вы должны понимать, что происходит, даже если не собираетесь принимать в этом участия. Даже если вы отказались. Это не вторжение инопланетян. На Землю не приземлились летающие тарелки, ее не захватили враждебные вооруженные силы. Оглянитесь.

Тайлер сильно нахмурился, и на несколько секунд его палец плотно прижался к спусковому крючку. Уильям через ствол почувствовал биение сердца Тайлера.

Смерть – незримый третий участник разговора – нависла над парковой скамейкой.

«Я не должен пугаться, – подумал Уильям, – но я боюсь. По-прежнему боюсь».

– Я думаю, – сказал Тайлер, – что случилась массовая галлюцинация. Люди вообразили, что могут жить вечно. Что мы можем сосуществовать, как библейские лев с ягненком. Я думаю, что большинство людей заразились этой болезнью. Но не все. Некоторые исцелились. Вот я, например, здоров. А вы, господин президент, тяжело больны.

– Значит, я не предатель, а просто больной?

– Может, и то и другое. Какими бы ни были ваши причины, вы сотрудничали с этими... и больше не подходите для выполнения своих обязанностей.

– То есть пистолетом тычете в меня вы, полковник Тайлер, а болен при этом я?

– Оружие в правильных руках – не симптом болезни.

Вести такой разговор в этот приятный день было странно. Президент отвернулся от полковника Тайлера и увидел у подножия памятника Эндрю Джексону мальчишку лет десяти, запускавшего воздушного змея. Из-за порывистого ветра змей то взмывал ввысь, то падал. Темная кожа мальчика блестела на солнце. Змей был красивый. Черно-желтый, в форме крыла летучей мыши.

На миг их глаза встретились; между президентом и мальчиком установилась связь, они поведали друг другу о своих всемирных трудностях.

«Смогу отговориться», – решил Уильям.

– Полковник Тайлер, предположим, что я не гожусь на роль президента Соединенных Штатов.

– Под дулом пистолета вы признаете что угодно.

– Не важно. Я это признаю. Я не гожусь. Говорю это без задней мысли и готов повторить, когда вы уберете пистолет. Если хотите, напишу заявление. Полковник, кого бы вы предложили в качестве моего преемника?

Тайлер впервые пришел в недоумение.

– Я говорю искренне, – поспешно продолжил Уильям. – Мне нужен ваш совет. Кто у вас на уме? Чарли Бойл? Но ему теперь нельзя доверять. Он «болен». Вице-президент? Боюсь, тоже. Пресс-секретарь Белого дома?

– Вы несете чушь, чтобы запудрить мне мозги, – резко ответил Тайлер, но вдруг сделался жалким и каким-то рассеянным.

– Полковник Тайлер, не удивлюсь, если вы – самый высокопоставленный военный офицер, которого миновала так называемая болезнь. Не знаю, как в таком случае работает командная вертикаль. В Конституции этого не предусмотрено. Но если вы хотите...

– Господи, да вы совсем спятили! – воскликнул Тайлер. Пистолет в его руке дрогнул.

– Вопрос только в электорате. Это краеугольный камень. Полковник, вам известно, сколько человек отказались от возможности жить вечно? Приблизительно один из десяти тысяч.

– Откуда вам знать?

– Давайте не будем спорить и предположим, что я знаю. На Земле живет шесть миллиардов человек, плюс-минус, то есть из них, выражаясь вашими словами, «здоровы» шестьсот тысяч. Довольно много. Но далеко не все они – американцы. Я бы даже сказал, подавляющее меньшинство. Полковник Тайлер, вы помните, каково население Америки согласно последней переписи? Я, признаться, подзабыл. Миллионов триста? Значит, у вас примерно тридцать тысяч избирателей. Население небольшого городка. На мой взгляд, для демократии вполне достаточно. В идеальных условиях вы могли бы создать прямую демократию... если, конечно, собираетесь и дальше проводить выборы.

– Это неприемлемо. – Глаза полковника Тайлера заблестели. – Я...

– Что неприемлемо? Мои доводы? Или ваше президентство?

– Не принуждайте меня! Вы не можете просто взять и передать мне свой пост, как призывую карточку из пакетика с орешками!

– Но вы же хотели отобрать его у меня силой – вы и ваши соратники.

– Это другое!

– Неужели? Не сказал бы, что это вписывается в правовые нормы.

– Я не буду гребаным президентом! Вы – гребаный президент!

– Полковник Тайлер, можете меня застрелить, если хотите. – Уильям поднялся, несмотря на риск, и заговорил властным тоном. По настоянию Тайлера он еще раз стал президентом Соединенных Штатов. – Одно-двух выстрелов может не хватить. Я чувствую, что мое тело сейчас немного крепче, чем раньше. Но если вы выпустите всю обойму, тело уже не восстановится. Однако я считаю, что оставлять труп на Лафайет-сквер этим чудесным солнечным утром – моветон.

Полковник Тайлер встал, но не убрал пистолет от живота Уильяма.

– Раз вы можете умереть, вы не бессмертны.

– Тело смертно. Я – нет. Моя... сущность, назовем это так, теперь хранится в Артефакте. Я одновременно и здесь, и там. Здесь я бодрствую, а там – сплю. Если вы выстрелите, то просто переставите местами слагаемые.

Над парком пронесся порыв ветра. В десяти ярдах от скамейки воздушный змей мальчика дернулся и застыл.

«Тяни, – подумал Уильям. – Крути нитку».

Змей – черно-желтое пятно – поднялся высоко в синее небо.

– Полковник, давайте прогуляемся, – предложил Уильям. – Мои ноги затекают, если их долго не разминать.

Они пошли по 17-й улице в направлении Потомак-парка, мимо художественной галереи Коркорана, штаб-квартиры Организации американских государств и других образцов беспорядочной вашингтонской архитектуры.

По мнению Уильяма, наиболее характерными сооружениями Вашингтона оставались памятники. Мемориал Линкольна, мемориал Джефферсона. Американское представление о британском представлении о римском представлении о греческой гражданской архитектуре.

У афинян для осуществления демократии существовала агора. Нам следовало бы скопировать их рыночные площади, а не храмы. Поставить на Конститушн-авеню несколько палаток с фруктами, пару торговцев коврами, тележки с арахисом и устраивать между ними заседания конгресса.

Когда-то ему нравилась идея демократии. Он питал к ней не менее теплые чувства, чем к тому пляжу в Мэне. Но на долгом пути к Белому дому он утратил и любовь к демократии, и любовь к пляжу.

Да, он неоднократно упоминал слово «демократия» в своих речах. Но из него будто выжали весь сок.

Ему было интересно, любил ли демократию полковник Тайлер. Прогулки по пляжу тот наверняка не любил.

– Вы отдали все, – рассуждал Тайлер. – Без боя. Даже кулаком не погрозили, мистер президент. Как по-вашему, заслуживает это преступление наказания в виде пули в лоб?

Пистолет спрятался в кобуре под курткой полковника, но Уильям не забыл о его наличии.

– И что же такого я отдал, полковник?

– Америку, – ответил Тайлер. – Нашу нацию. Наш суверенитет.

– Нельзя отдать то, что тебе не принадлежит.

– Но вы вступили в сговор с захватчиками.

– Все настаиваете, что это вторжение? Ну, пожалуй, можно сказать, что я с ними сговорился. – Это было правдой. Президент увидел многозначительный сон за несколько дней до остальных. Со смертельно больными и сильными мира сего вступили в Контакт заранее. С больными – чтобы болезнь не забрала их в последний момент. С властью имущими – чтобы они не натворили бед. – По мне, это не сговор, а взаимовыгодное сотрудничество.

– А по мне – государственная измена, – сухо произнес Тайлер.

– Серьезно? Хотите сказать, у меня был выбор? Я мог сопротивляться? Что изменилось бы, если бы началась паника?

– Кто знает.

– Да, теперь можно только гадать. Полковник, процесс был демократическим. Уж с этим-то не спорьте. Вопрос о вечной жизни со всем, что за этим следует, был задан каждому. Считаете, я должен был принять решение за всю Америку? Нет, я не мог этого сделать, да и не нужно было. Америка сама сделала выбор. Полковник, мне очевидно, что лично вы отклонили предложение. Другие тоже могли отклонить. Но в подавляющем большинстве не сделали этого.

– Вздор, – отмахнулся Тайлер. – Вы правда в это верите? Думаете, что существа, способные вторгнуться в ваш разум и изменить метаболизм, не могут лгать?

– Предположим. Но в вас «вторглись» так же, как и в других. И вот он вы.

– Возможно, у меня иммунитет, как я уже говорил.

– К внушению, но не к вопросу? Какой-то странный иммунитет, полковник.

Они уселись на скамейку в Садах Конституции, и их тут же окружили голуби в ожидании крошек. Уильям задумался о том, что думают голуби об этих бурных переменах в человеческих эпистемах. Туристов стало меньше, зато оставшиеся были куда щедрее.

Нужно было принести что-нибудь и покормить птиц.

– Задумайтесь о том, что вы мне рассказываете, – сказал Тайлер. – Они обратились ко всем? К каждому человеку на Земле? Включая младенцев? Инвалидов-маразматиков в домах престарелых? Преступников? Слабоумных?

– Полковник, насколько я понимаю, младенцы единогласно ответили «да». Думаю, им незнакомо понятие смерти. Да, младенцы еще не умеют говорить, но вопрос был задан с помощью чего-то большего, чем язык. И у младенцев, и у маразматиков велика жажда жизни, пусть они и не в состоянии ее выразить. Со слабоумными так же. В каждом есть крупинка сознания, которая понимает и отвечает. Преступники тоже хотят жить, полковник, хотя для них все куда сложнее. Принимая дар бессмертия, они навсегда остаются с грузом неприятных, страшных фактов о себе, которые предпочли бы забыть. Худшие из них отвергли предложение.

Полковник неприятно рассмеялся:

– Вы хоть понимаете, что несете? Выходит, я теперь неизбранный президент государства маньяков и убийц?

– Это далеко от истины. У людей много причин не желать бессмертия. Причин вроде вашей, например.

Полковник скривился. Уильям почувствовал, что ступил на опасную территорию.

– Это все равно что посмотреть в зеркало, – переведя дух, продолжил президент. – Когда Странники говорят, они обращаются к вашему естеству. Не к тому образу, каким вы сами себя представляете. К сердцу. К душе. К тому «я», в котором собрано все, что вы сделали, хотите сделать и никогда не сделаете. Наше истинное «я» не всегда выглядит симпатично. Мое уж точно.

Вместо ответа полковник Тайлер лишь тяжело вздохнул.

Голубям не понравился звук, и они всей стаей перемахнули к Зеркальному пруду, в холодной, подернутой рябью воде которого отражалось чистое небо.

За прошедшую неделю интенсивность движения в пределах кольцевой автодороги заметно снизилась. По всеобщему согласию, без обсуждений, официальный Вашингтон сворачивал деятельность. Капитолийский холм еще за день до того превратился в город-призрак. Уильям стоял в ротонде и прислушивался к эху своих шагов под куполом. Но в городе пока оставались туристы, если их можно было так назвать. Люди, пожелавшие нанести прощальный визит правительственному аппарату.

Некоторые тихо брели по Национальной аллее. Уильям не чувствовал себя среди них лишним, а вот полковника Тайлера они заметно нервировали.

– Хочу спросить, – начал Тайлер.

– Полковник, не забывайте, что я политик. Мы – специалисты по уклонению от сложных вопросов.

– Мистер президент, к этому вопросу вам лучше отнестись серьезно. – Тайлер рассеянно потянулся к пистолету. Его взгляд блуждал. Уильям подумал, что помутнение рассудка полковника не обязательно было следствием Контакта. Возможно, Контакт просто пробудил в нем старое безумие. От Тайлера исходил вполне осязаемый жар. Этот жар был опасен, и температура накала грозила подскочить от малейшего раздражителя.

– Простите, если моя ремарка была дерзкой. Я слушаю.

– Что будет дальше? Хотя бы по вашему предположению.

Уильям задумался.

– Полковник, вам больше не у кого спросить? Жена, подруга? Родственники? У меня в этом деле особой роли нет, я знаю не больше других.

– Я не женат, – ответил Тайлер. – И родных у меня нет.

Вот он, недостающий фрагмент мозаики Джона Тайлера: давнее, мучительное одиночество. Тайлер был одиночкой, и Контакт окончательно изолировал его от остального человечества.

Мысль об этом была грустной и пугающей.

– Полковник, я со всей серьезностью могу сказать, что вы задали чрезвычайно сложный вопрос. Вы и без меня понимаете, что все меняется. У людей новые запросы, они отказываются от старых привычек... и нам еще предстоит свыкнуться с этим. Думаю... когда-нибудь неудобные тела станут не нужны нам. Но до этого еще далеко. – Ответ Уильяма был абсолютно честным.

Тайлер посмотрел на него страшным взглядом – отчасти испуганным, отчасти возмущенным, отчасти презрительным.

– А потом?

– Не знаю. Надо будет принять решение – коллективное решение. Но догадка у меня есть. Думаю, нашей измученной планете нужен ремонт, и очень скоро она его получит.

Сделав по городу круг, они вернулись к воротам Белого дома. День двигался к полудню; заметно потеплело.

Несмотря на опасность, Уильям устал от словесной дуэли с Джоном Тайлером. Он ощущал себя оставленным после уроков школьником, который считает минуты до свободы.

– Ну что, полковник? – Он посмотрел Тайлеру в глаза. – Решили стрелять?

– Выстрелил бы, если бы знал, что это поможет. Если бы чувствовал, что так можно вернуть хотя бы дюйм этой страны. Господи, я убил бы вас не моргнув глазом. – Тайлер сунул руку под куртку и почесался. – Но вы не представляете угрозы. Среди известных предателей вы – один из самых жалких.

Уильям скрыл облегчение. «Пусть я и бессмертен, – подумал он, – расставаться с этим воплощением еще рано».

К тому же как он объяснит свою смерть Элизабет? Она назовет его недотепой, и вполне справедливо.

– Если думаете, что конфликт исчерпан, вы ошибаетесь, – сказал Тайлер. – Есть люди, еще готовые сражаться за страну.

«Зачем сражаться? – подумал Уильям. – Страна ваша! Полковник Тайлер, берите ее!»

Но эти мысли он оставил при себе.

– Надеюсь лишь, – Тайлер отвернулся, – что остальные холощенные кони так же смиренны.

Уильям проводил полковника взглядом.

Тайлер был человеком на грани. Оставшийся в меньшинстве одиночка, несущий мрачный груз каких-то старых грехов. Мир, в котором он жил, менялся, выходя за рамки его понимания.

Хуже всего, что этого можно было избежать. Полковник, вы могли сказать «да». И понимаете это, пусть и не признаетесь.

Погрустив о судьбе полковника Тайлера, Уильям сложил и убрал эти мысли, как складывал и убирал в карман свой шелковый галстук.

Встреча с полковником могла быть не последней, но до поры до времени об этом не стоило беспокоиться.

День стоял прекрасный, и до его конца было еще далеко. До ланча оставалось пятнадцать минут. А главное – его, Уильяма, не убили.

Он окинул взглядом лужайку перед Белым домом. Поиски пасхальных яиц, дипломатические фотосессии, вручение премий. Смотрел ли он когда-нибудь по-настоящему на лужайку во время всех этих мероприятий? Садовники прекрасно выполняли свою работу. Трава была ярко-зеленой и еще блестела от росы.

Уильям подумал, что хорошо бы развязать шнурки, стянуть ботинки с носками и пройтись босиком по мягкой зеленой лужайке.

И решил, что настало время сделать это.

Глава 11. Киндл

По мнению Тома Киндла, сон был именно тем, чем казался: приглашением погрузиться в уютное общественное бессмертие. Киндлу такая перспектива казалась омерзительной, но он не сомневался, что другие сочтут ее манящей.

Поэтому после той необычной ночи Киндл две недели не показывался в городе. Он не знал, каким предстанет Бьюкенен, и сомневался, что хочет это знать.

Поход в город откладывался и откладывался, но стал необходимостью, когда Том не удержался на скользкой горной дороге, скатился на двадцать футов вниз по западному склону горы Бьюкенен и сломал бедро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.